

БОЛЬШАЯ ВОЛНА

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

БОЛЬШАЯ ВОЛНА

сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро» 2022
Номинация «Основной конкурс»

Екатеринбург
2022

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос)6

Б 79

- Б 79 **Большая волна** : сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро», 2022 : номинация «Основной конкурс» / Министерство культуры Свердловской области ; Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель: Е. Д. Бондаренко. – Екатеринбург : СОМБ, 2022. – 129 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-907680-18-0

В сборник включены работы победителей Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» за 2022 год в номинации «Основной конкурс» и работы, вошедшие в короткий список. Рассказы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907680-18-0

© ГБУК СО «СОМБ», 2022

© Коллектив авторов, тексты, 2022

© Бондаренко Е. Д., составитель, 2022

© Печерских Н. А., художник, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	4
Рецензия на рассказ Марианны Рейбо «Грифельная дощечка»	8
Марианна Рейбо «Грифельная дощечка»	11
Рецензия на рассказ Сергея Евгеньевича Эскендерова «Как чучкой за водой ходил»	21
Сергей Евгеньевич Эскендеров «Как чучкой за водой ходил»	24
Рецензия на рассказ Елены Владимировны Суриной «Лелетке»	31
Елена Владимировна Сурина «Лелетке»	33
Ирина Александровна Ершова «Большая волна»	41
Муса Музыгитович Галимов «Бубен шамана»	57
Анастасия Андреевна Селькова «Дети пегой орды»	86
Полина Константиновна Смородина «Тундас»	119

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Когда человек осознает себя частью народа?

Когда приезжает в родные места, или смотрит старые фотографии, или отвечает на расспросы, почему у него такое редкое имя, или видит в музее потертую тюбетейку как у бабушки... Но почему вдруг на ровном месте где-нибудь в кафе в центре Москвы человек слышит в своей голове народную колыбельную, которую ему пела бабушка, и начинает плакать? Что все-таки должно случиться, чтобы человек услышал голос крови?

И еще: как же научить держать тональность и петь в ансамбле голоса разных кровей? Сохранить свою идентичность и относиться с уважением к чужой?

Эти и многие другие вопросы ставят в своих текстах участники пятого Международного конкурса малой прозы «Этноперо».

Герой рассказа Е.В. Суриной «Лелетке», чукотский мальчик «с золотыми волосами», показан читателю в важнейший момент жизни – преобразования мальчика в мужчину. У северных народов инициация мальчика происходит тогда, когда он «усыпляет» своего первого оленя. Но Лелетке не может этого сделать, жалость и страх сковывают его. Разочаровавшись в себе, он убегает в ночную тундру. Родители уже попрощались с надеждой увидеть своего любимого сына, но Лелетке чудом вернулся. А тяжелое испытание, выпавшее на долю мальчика, не сломало его, а закалило. Кровь заговорила. Лелетке вернулся мужчиной. Оленеводом.

Голос крови слышит в себе и Эди, герой повести М.М. Галимова «Бубен шамана». Лучник, травник, мечта-

тель, искатель приключений, неутомимый исследователь. И еще – шаман. Он знает сотни историй от прабабушки или прапрабабушки, он так хорошо слушал эти истории про засуху, про проклятого шамана и его жену, про Покинутую деревню, будто и сам там побывал, сам все видел. Под рубашкой у него сердце, в котором словно узлом сплелись настоящее, прошлое и будущее. А еще он превращается в оленя.

Времена сплетаются удивительным образом и в рассказе **П.К. Смородиной «Тундас»**. Действие рассказа происходит на территории Мордовии, где археологи проводят раскопки и сочиняют истории о том, что могло случиться на этой земле много веков назад. История у героини рассказа выходит так живо, что кажется, будто она и в самом деле проникла творческой мыслью в глубины времен.

Тема творчества как способа оживить и сохранить прошлое звучит и в нежном рассказе **Марианны Рейбо «Грифельная дощечка»**. Читатель вместе с рассказчиком переносится в сказочный послевоенный Пхеньян и будто заново проживает время первой любви с ее восторгами и страхами, надеждами и потерями. Корея юности остается навсегда в сердце героя, а еще – на старенькой грифельной дощечке, где изображен сад, тропинка и летящая по тропинке Юонг, его первая возлюбленная.

На Дальний Восток, на остров Парамушир, переносит читателя и захватывающий рассказ **И.А. Ершовой «Большая волна»**. Автор погружает читателя в атмосферу тревожного ожидания беды и паники во время катастрофы – страшного цунами, разрушившего многие городки и посёлки от Камчатки до Владивостока. Цунами отнимает у глав-

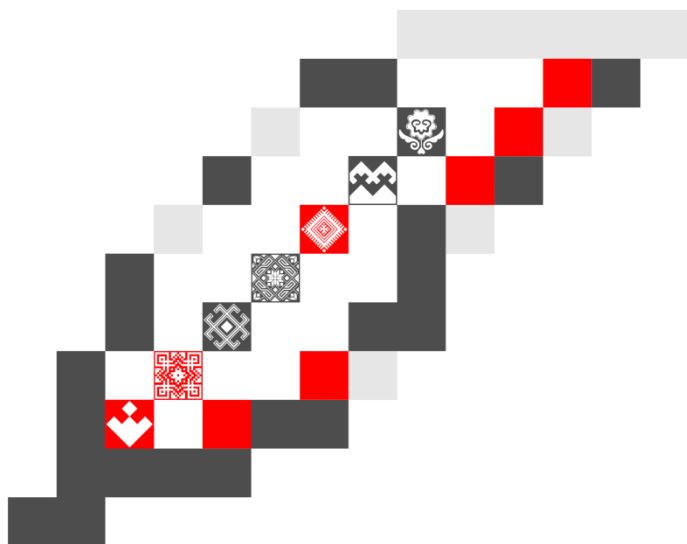
ной героини рассказа дочь Леночку (ее уносит волной), но дает второго сына, Сашку, внука старого корейца Кима. Ведь перед лицом беды все люди становятся одной крови...

Далеко не всегда человеческие поступки можно объяснить рационально, часто это поступки души, а не разума. Так, программист Света из повести **А.А. Сельковой «Дети Пегой орды»** вдруг по зову сердца отправляется в отпуск не в Турцию или Эмираты, а вглубь Сибири, в село Иванкино, на родину удивительных селькупов. Приехала – и влюбилась в заповедные места, в простых и душевных людей, помнящих и любящих свою культуру, в селькупское звездное небо. Да так, что решила остаться там навсегда – сельским учителем информатики.

А вот чучкой Миконь из сказки **С.Е. Эскендерова «Как чучкой за водой ходил»** отправляется в путь вовсе не по зову души: его бы воля – он и с печки бы не слез. Да жена за водой отправила. Вот и пришлось идти туда-не знаю-куда, да еще по пути спасти от злющей старухи Обыды (удмуртской Бабы-Яги) несчастную собаку. А потом еще и, выкрыв у ведьмы волшебный ральник, бедный чучкой вынужден был убежать от глупого и беспощадного Ураки. Читатель, следя за напряженным сюжетом, и сам не заметит, как погрузится с головой в удмуртские верования, так талантливо сплетенные в сказку автором.

...Малая проза – жанр особый. Это своего рода эскиз, выхваченный из долгой жизненной истории фрагмент, зарисовка на пыльной грифельной доске. Цветные камушки на морском побережье, которыми играют волны, создавая из них картины сражений и перемирий, любовей и потерь. Можно полюбоваться, а можно погрузить или призаду-

маться, главное же, что селькупские подростки и мордовские девушки, чукотский мальчик и корейский художник, а также многие, многие другие не исчезнут навсегда – они останутся жить в нашем сердце.

НОМИНАЦИЯ
«ОСНОВНОЙ КОНКУРС»

ПЕРВОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

На рассказ Марианны Рейбо «Грифельная досочка»

Чем пахнет первая любовь? Иногда – ромашками да васильками или маленькой колючей розой, протянутой тонкой дрожащей рукой. Порой маминым печеньем, тайно съеденным под одеялом с хихиканьем и первыми рассказанными секретами. А бывает – сушеными кальмарами с рыбного рынка и речной сыростью. Как звучит первая любовь? Дуэтом, конечно. Часто – звонкими колокольчиками совместного смеха, иногда – робким бормотаньем, порой – тревогой. А бывает – прерывистым дыханием и тяжелым, до соленой крови, кашлем. Что оставляет в подарок первая любовь? Теплые воспоминания, конечно. Радость первой встречи душ. А еще – нередко – горечь первой потери. А бывает – и отчаяние первой встречи со смертью.

Рассказ Марианны Рейбо переносит читателя в послевоенный Пхеньян, столицу страны Утренней Свежести. Главный герой, сын советского полковника, недаром вспоминает это поэтичное название Кореи: приехав туда с матерью «после долгих месяцев голода и лишений» в Уссурийске, он словно попадает в волшебную страну, где по реке со сказочным названием Тэндоган плавают сияющие

лотосы, а небо расчерчено изумрудными вершинами гор, где в воздухе разливается аромат жасмина и неведомая корейская речь, а легкие шаги и мимолетная улыбка незнакомой девчушки вдруг проникают прямо в сердце.

Герой живет с родителями при советском посольстве и вынужден ограничивать свои контакты с коренным населением Пхеньяна, так как это могло бы навлечь неприятности на его отца, однако он общается с русскоговорящими корейскими сверстниками, приехавшими на историческую родину из самых разных уголков Советского Союза. Вместе с этими ребятами он и оказывается в кружке живописи у старого корейского художника. Художник почти не говорит по-русски, но это ничуть не мешает атмосфере радостного созерцания и творчества, царящей в его доме. Учитель раздвигает сёдзи (легкие пергаментные шторы) – и ученики погружаются в волшебный мир природы, стараясь ухватить его хоть на минуту, разгадать – и запечатлеть быстрыми штрихами мелков на грифельной доске. Какой прекрасный инструмент, чтобы изобразить мимолетность чуда...

Именно там, в саду учителя, мальчик впервые видит её, «белого мотылька, летящего по извилистой дорожке». Герой вспоминает: «Впервые что-то неведомое, как штормовая волна, накатило на меня, и, оглушённый порывом, я одним махом стёр с доски начатый было эскиз». Он зажмуривается, желая остановить мгновение, сохранить его в памяти – и несколькими штрихами зарисовывает дорогу, сад и летящую незнакомку. Так в его жизнь влетела Юонг – и осталась в ней.

Марианна Рейбо легко, словно рисуя быстрый карандашный эскиз, создает образы персонажей, историю их вза-

имоотношений, таких трепетных, таких тонких и нежных: робость героя, следующего за своей любовью и таящегося от нее, его неловкие фразы и восторженный взгляд, его пылкость – в любви и в отчаянии; прямота Юонг, ее ямочки на щеках, отрезанный черный локон – подарок! – и рассказ о горьком прошлом, о болезни и о смерти мамы... Штрих за штрихом, слово за словом, встреча за расставанием, мотылек летит навстречу своей неотвратимой судьбе... В сказку первой любви вмешалась неотвратимая стихия – и неотвратимая болезнь. Рано, слишком рано герою довелось увидеть, как, оказывается, слаб человек перед лицом природы. Увидеть, что жизнь – как рисунок мелом на грифельной доске, который можно смахнуть одним движением.

Вскоре мальчику, увы, приходится убедиться в хрупкости человеческой жизни еще раз – во время ковровой бомбардировки американцами, когда в один день город – вместе с домом художника – был превращен в «горящие руины», и тот Пхеньян, каким рассказчик его знал, исчез навсегда.

И все же недаром герой, пережив столь горькое разочарование, не отказывается от призвания творца. Он возвращается в Союз и становится профессиональным художником. Ведь, кажется, именно тогда, в Пхеньяне своего детства, сумев страстным желанием поймать, остановить мгновение и запечатлеть его на простенькой грифельной дощечке – и тем самым навсегда сохранить в сердце, юный художник понял что-то очень важное о природе и волшебстве творчества, о его удивительной силе воскрешать в памяти то, что, кажется, уже покрыто пылью и пеплом навсегда.

Марианна Рейбо

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОЩЕЧКА

Откинувшись на подушки в полумраке одинокой комнаты, я закрываю глаза и снова вижу её. Вижу смуглые коленки, мелькающие из-под белизны поддёрнутой юбки, её тонкие щиколотки, игриво рассыпающие брызги у берега мутной реки Тэдонган... Лёгкость и свежесть – вот чем была Юонг. Когда я приходил в её игрушечный домик с тёмной черепичной крышей, она усаживала меня на татами из золотистого тростника и бесшумно раздвигала сёдзи, впуская в комнату зелёный шелест летнего сада. Усыпанный цветами куст жасмина, росший возле дома, в тот же миг заполнял собою воздух, и благоуханье нежных лепестков навсегда связалось у меня с трепетом первой любви и горечью первой потери.

Это было без малого семьдесят лет назад. Мой отец, полковник Советской армии, служил на Дальнем Востоке на границе с Китаем. Осенью 1945 года, когда Квантунская армия была разгромлена нашими войсками, а Маньчжурия и Северная Корея освобождены от японской оккупации, его направили торговым представителем в главный город страны Утренней Свежести, Пхеньян. Два года спустя, когда мне исполнилось тринадцать лет, к отцу переехали и мы с матерью. Нас поселили в небольшом особняке, прежде принадлежавшем японскому генералу, а теперь перешедшем в распоряжение советской миссии. После долгих месяцев голода и лишений, пережитых нашей семьёй в дальневосточном Уссурийске, я с особой остротой впитывал открывавшуюся мне южную сказку, полную причудливых запахов и красок. И

сегодня, словно наяву, в лучах закатного солнца встают передо мной изумрудные вершины Алмазных гор, а по мерцающей водной ряби гордыми лебедями проплывают белые лотосы в обрамлении огромных листьев.

Живя при посольстве, мы старались избегать контактов с коренным населением, поскольку знакомства такого рода могли навлечь неприятности, однако я мог свободно общаться с детьми из русскоговорящих корейских семей, недавно переехавших на историческую родину с Дальнего Востока, из Казахстана и других областей. Вместе с ними я начал посещать школу, а когда приблизилось время летних каникул, узнал, что некоторые из моих корейских одноклассников записались в кружок живописи, который недавно открылся в доме старого местного художника. Поскольку у меня было врождённое стремление к рисованию, я загорелся желанием посещать эти занятия, и после непродолжительных препирательств отец отвёл меня в серую фанзу с маленьким изящным садом. Учитель рисования, сухонький старичок в белых одеждах и чёрной волосяной шапочке, почти не говорил по-русски, но блестящие уголки его глаз, казалось, видели тебя насквозь и без слов. Слегка поклонившись моему отцу в знак приветствия, он оглядел меня с ног до головы, улыбнулся и, задумчиво погладив реденькую седую бородку, жестом пригласил меня пройти в дом.

Сняв у порога обувь, я прошёл в комнату, где полдесятка учеников, сидя на татами, сосредоточенно рисовали цветными мелками на грифельных дощечках. Тот день стал для меня первым из многих счастливых дней, которые я провёл за рисованием в этом благословенном доме. Чтобы дать простор нашему воображению, учитель раздвигал пер-

гаментные сѣзи на передней стене, расстилая перед нами лоскутное одеяло таинственного Востока. Ломаные изгибы карликовой сосны возле фасолины бетонного бассейна, розовое кружево цветущего миндаля, размытые очертания холмов в голубоватой дымке горизонта – всё это, проходя сквозь душу, рождалось вновь под кропотливыми пальцами юных художников.

В один из дней, в который раз рисуя сад учителя, я оторвал взгляд от грифельной доски и вдруг увидел белого мотылька, летящего по извилистой дорожке прямо мне навстречу. Помахивая синей матерчатой сумкой, мотылёк вприпрыжку приближался к дому, отдавая на забаву ветру шёлковые ленты короткой кофточки и разметавшиеся по плечам блестящие чёрные косы. В Корее я каждый день видел грациозных черногривых девиц в белых одеждах, несших в больших кувшинах колодезную воду или выбиравших на рынке свежую рыбу. Но тут впервые что-то неведомое, как штормовая волна, накатило на меня, и, оглушённый порывом, я одним махом стёр с доски начатый было эскиз. На миг зажмурившись, чтобы остановить мгновение, я в несколько штрихов набросал струящуюся с неба каменистую дорогу и летящий по ней силуэт незнакомки. Склонившись у меня над плечом, учитель одобрительно кивнул, властной рукой забрал мою дощечку и поставил её на полку инкрустированного перламутром шкафа.

Изо дня в день начал я выжидать появления своего мотылька, приходя раньше других учеников и ища возможность как можно дольше задержаться. И действительно, вскоре я вновь увидел её, а потом ещё и ещё. Не решаясь подойти, я издаലെка следил за нею, играющей в саду или гуля-

ющей по набережной Тэдонган, и втайне молился, чтобы кто-нибудь напал на неё, а я бы её спас, или чтобы она упала в свинцовые воды реки, а я нырнул бы следом и вытащил её на берег.

Как-то раз, ведомый страстью, я крался следом за дамой своего сердца вдоль торговых рядов, мастерски прячась за ширмой лавок, предлагавших многообразие душистых пряностей и благовоний, орехов и фруктов, статуэток Будд и украшений. Остановившись у прилавка с морепродуктами, девочка купила кулёк сушёных кальмаров и начала жевать их прямо на ходу, подобно тому, как наши школьники жуют конфеты или тянучки, спеша перебить аппетит перед обедом. Ни на минуту не упуская её из виду, я пересёк рынок и проследовал за ней до фонтанчика, освежавшего раскалившийся от солнца воздух звенящими водяными струями. Девочка присела на край фонтана, положила синюю сумку себе на колени, и, неожиданно обернувшись в мою сторону, пустила мне в глаза солнечного зайчика, отскочившего от медной поверхности браслета на её запястье.

– Зачем ты всюду за мной таскаешься? – спросила она строго на чистом русском языке, без улыбки глядя на мою нелепую, заледеневшую от ужаса фигуру.

– *Аннён Хасимника!* – только и смог выдавить я из себя, мечтая сейчас же, немедленно провалиться сквозь землю.

При виде моего отчаянного положения незнакомка не удержалась, и смех задрожал на её губах, рисуя на щеках две симпатичные ямочки.

– Меня зовут Юонг, Ким Юонг. – Она смело протянула мне свою тонкую ручку ладонью вверх. – Я знаю, ты ходишь на уроки рисования к моему дедушке.

Так начались наши тайные встречи. После занятий, делая вид, что собираюсь уходить, я тихо прокрадывался в комнату Юонг или же вечерами, сбежав из дома, с замиранием сердца ждал её у калитки сада, и мы шли гулять под звёздами на опустевшую набережную. Нигде и никогда больше я не видел таких звёзд. Они казались огромными, и благодаря малой освещённости улицы можно было в мельчайших подробностях разглядеть всю звёздную карту и серебристую дорожку млечного пути. В одну из таких прогулок Юонг рассказала, что в Пхеньяне она живёт немногим дольше меня, а до этого они с отцом жили на северо-востоке Китая в Харбине. Отсюда и её виртуозное владение русским языком, ведь после Октябрьской революции Харбин стал прибежищем для многих семей белогвардейцев, и к моменту появления Юонг на свет был практически русским городом.

– А твоя мама? – осторожно спросил я, терзаемый хорошим предчувствием.

– Мама... Мамы нет. Я... Я убила её.

Девочка подняла глаза к небу и с силой закусила губу, чтобы не заплакать. Оказалось, двумя годами ранее Юонг заболела туберкулёзом лёгких. Её мать, не смыкавшая глаз над постелью больной, тогда чудом выходила её, но сама разилась и умерла. Потому-то, после того как в августе сорок пятого Харбин заняла наша Дальневосточная армия, отец Юонг, наслышанный о частых рецидивах туберкулёза, получил разрешение отправить дочь в Корею к деду – в более

подходящий климат, а главное, подальше от тяжёлых воспоминаний.

– Мы, корейцы, верим, что душа умершего покидает этот мир только после смены четырёх поколений, – продолжала рассказ Юонг, – а потому я знаю, что моя мама по-прежнему рядом со мной.

Она задумчиво, как-то по-особенному заглянула в моё посуровевшее от бремени её слов лицо и, выдержав паузу, добавила:

– И если я умру первой, я тоже всегда буду рядом с тобой.

– Замолчи!

Меня вдруг обуяла злость. Отпрянув от своей спутницы, я вынул из кармана перочинный ножик, который по привычке всюду носил с собой, и с силой запустил его в раскидистое дерево гинго белобы, росшее посреди аккуратной зелёной полянки.

– Я тебя разозлила?

Она осторожно тронула меня за плечо, но я с раздражением скинул её руку.

– Нет. Просто пора домой.

Я выдернул нож из древесной раны и ускорил шаг. Я чувствовал, что Юонг слегка оробела, но старалась идти со мною в ногу.

– Не сердись! Дай ножик. Ну дай.

Пожав плечами, я остановился и протянул ей своё холодное оружие. Потрогав острие и убедившись, что оно заточено, Юонг ловкими пальцами начала расплетать свою роскошную косу и, отделив одну прядь, чиркнула по ней лезвием. Затем она вложила отрезанный локон мне в руку.

– Держи. На память.

– Вот ещё глупости!

Я сварливо сморщился, но незаметно сунул шелковистую чёрную прядь в карман вместе с ножиком. Около её дома мы скомканно попрощались. В ту ночь мне снились плохие сны.

Мои родители лишь вздыхали и разводили руками – в то лето я стал совсем неуправляемым. Целыми днями я где-то пропадал, не заходил домой даже пообедать, а вместо этого уплетал в гостях у Юонг изумительную квашеную капусту кимчхи с острым привкусом моллюсков. Если же голод заставал нас в круговерти городских улочек, мы перекусывали сладким бататом, который корейки готовили на жаровнях в широких плоских корзинах, стоявших на полотняных валиках прямо у них на голове. Юонг выбирала бататы поподжаристей, почти обугленные. Я смеялся, глядя на её перепачканные в золе губы, и она весело заливалась в ответ, сверкая жемчужными зубками и чёрным миндалём раскосых глаз. И всё же нам пришлось расстаться – ненадолго, всего на неделю родители увезли меня из города.

Когда я вернулся, в Пхеньяне бушевал тайфун. И днём и ночью растерзанное небо сыпало молнии, земля утопала под ливнем, так что невозможно было выйти из дома, и я не видел Юонг, не знал, что с нею. К концу третьего дня я не выдержал и, скача под ледяными струями как заяц, мокрый до нитки добежал до дома учителя. Что-то страшное распирало грудь, не давая нормально дышать. Я толкнул калитку. Залитый лужами сад казался тусклым и осиротевшим. Побитые ливнем цветы на кустах опустили головки, вода в бассейне помутнела, не слышно было щебетанья птиц. Сёдзи

были плотно сомкнуты, сколько я ни звал, никто не открыл мне – дом стоял пустой.

Предчувствия не обманули меня. Вскоре я узнал, что Юонг увезли в больницу с открытой формой туберкулёза. Новостей не было долго, пока, наконец, однажды вечером в серой фанзе не загорелся свет. Всё моё нутро кричало, что нужно скорее бежать туда, узнать, что с Юонг, но предательские ноги отказывались идти, парализованные страхом. Тогда я упросил отца сходить и узнать, как обстоят дела. Отец вернулся хмурый. Он долго чиркал спичкой, закуривая сигарету, потом, глядя куда-то в угол, приблизился и опустил ладонь мне на плечо.

– Её домой привезли. Плохо дело, брат.

Услышав его слова, мать охнула и прикрыла лицо руками, потом подошла ко мне, желая обнять, но я вырвался и побежал прочь из дома.

Очень резко, как через лупу, я видел в темноте каждый камень на дороге, каждую ветку проносившихся мимо деревьев. Сёдзи в комнатке Юонг были по-прежнему плотно сомкнуты. Я глотнул воздуха, и, раздвинув щель, пролез внутрь. Она лежала на татами, плотно закутанная в одеяло, чёрным воронёнком утопая в подушке. Опустившись на пол возле, я не мигая смотрел в её запрокинутое мёртвенное лицо. Вдруг она пошевелилась и открыла глаза.

– Я знаю, что ты здесь, я не сплю. Я притворилась, чтобы дедушка пошёл отдохнуть немного.

Она постаралась улыбнуться и слегка приподнялась на подушках.

Я по-прежнему молчал, не зная, что сказать.

– Пожалуйста, раздвинь сѐдзи, мне душно. Я хочу видеть небо.

Я раздвинул деревянные рамы во всю ширь, и южная ночь, мерцая серебром небосвода, вошла в комнату.

– Да, да, вот так хорошо...

Она с наслаждением втянула грудью воздух, но тут же закашлялась и упала обратно на подушку. Я кинулся было к ней, но она жестом остановила меня.

– Нет, не надо, всё хорошо! Мне лучше, гораздо лучше. Оставайся там, не подходи.

Но я не послушал и снова прильнул к её изголовью. Осторожно коснувшись губами истаявшей щѣчки Юонг, я почувствовал, как она горит.

– Ты поправишься, обязательно поправишься! – зашептал я, как в дурмане, опустив голову рядом с ней на подушку. – Ночной воздух вылечит тебя. Тебе ведь лучше?

– Да, да, мне гораздо лучше!

С холодеющим сердцем я разглядывал в темноте пятнышки крови на краю белого одеяла и в бессилии сжимал в ладонях её руку, когда её вновь начинали бить долгие приступы кашля.

К утру Юонг не стало.

На ватных ногах покидая дом учителя, я снял с полки лакового шкафа грифельную дощечку и сунул за пазуху. Тонкая девочка с синей матерчатой сумкой на плече летела по извилистой дороге куда-то вперѐд, в пустоту...

Не оглядываясь, я уходил прочь, твердо уверенный, что больше ничего в моей жизни не будет.

Вскоре отец вместе с армией покинул Пхеньян, а мы с матерью остались там ещё на три года. По воле рока нам

пришлось стать очевидцами ковровой бомбардировки города американцами. Сидя в окопе вместе с местными жителями и пытаясь прикрыть собою мать, я слушал, как стонет земля под бомбами, с грохотом несшимися с высоты в шесть тысяч метров. Тройки самолётов В-29, прозванных «Летающей крепостью», кружили над городом, превращая его в горящие руины. Словно свечи, один за другим вспыхивали корейские домики. Из огня вырывались женщины с обезумевшими глазами, волоча на подолах рыдающих от ужаса детей. Одна из бомб накрыла и серую фанзу учителя, оставив вместо дома и сада дымящуюся чёрную воронку. Когда я узнал об этом, то в душе невольно порадовался, что добрый старик этого уже не увидел.

Вернувшись в Союз, я поступил в институт и стал профессиональным художником. Призвание не обмануло меня, подарив мне немало счастливых творческих лет. Сейчас мне за восемьдесят, и вечерами я люблю перелистывать старые фотоальбомы, хранящие память о многих встречах и поездках, которые мне подарила судьба. Но в Пхеньяне я больше ни разу не был. Не тянет меня в этот город, отгородившийся от мира, обросший бетонными коробками и ставший неотличимым от сотен других городов. Но ушедший Пхеньян всегда со мной. Он свернулся чёрным, потускневшим от времени локоном в серебряном медальоне, рядом с портретом матери. Он смотрит на меня с запылившейся грифельной дощечки и, прорывая завесу лет, летит белым девичьим силуэтом по извилистой дороге моей жизни...

ВТОРОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Сергея Евгеньевича Эскендерова «Как чучкой за водой ходил»

Читая сказку «Как чучкой за водой ходил», будто снова оказываешься в детстве. Вот ты, раскрасневшийся, мокрый насквозь от снега, прибежал домой, греешь у горячей печки застывшие руки и слушаешь бабушкины сказки. Удивительные, невероятные, странные, но от того только еще более волшебные. Тени пляшут на стене, ты смотришь на них – и вдруг оказываешься в волшебном мире, где живут-поживают маленькие человечки «ростом с локоток» – чучкои – ссорятся, мирятся, попадают в странные истории, встречают старуху Обыду (удмуртскую Бабу-Ягу), чудом и хитростью спасаются от страшилища Ураки, и – главное – невредимые возвращаются домой, да еще и с волшебными подарками!

В сказке, рассказанной Сергеем Евгеньевичем Эскендеровым таким волшебным подарком стал ральник, который чучкой Миконь, можно сказать, случайно (а точнее, благодаря подсказке своего «волшебного помощника» собаки) украл у старухи Обыды. В конце выясняется, что в этом ральнике живет «местный джинн» – Скрюченное-перекрюченное – который выполняет желания. Только

благодаря помощи Скрюченного-перекорюченного бедный Миконь остался цел и невредим, ведь его жена была в настоящей ярости: послала его за водой, несколько дней ждала, уже всякое терпение потеряла, и вот здравствуйте, явился – не запылится! Да еще и без воды! Рассердишься тут.

Сергей Евгеньевич Эскендеров рассказывает историю с классическим народным сюжетом про удачливого и хоть ленивого, но доброго и простодушного дурака (вспомним так любимые всеми русские сказки про Иванушку-дурачка и про Емелю). Здесь есть все составляющие сказки: путешествие туда-не знаю куда (Миконь не знает, в какой стороне вода, за которой он отправился), Баба-Яга (старуха Обыда) как вредитель и даритель в одном лице (она раздражается от вопросов Миконя и вызывает на помощь Ураку, при этом Миконю удастся получить от нее, хоть и случайно, волшебный ральник), волшебный помощник, спасенный главным героем (собака, за которую заступился Миконь и которая увозила его от алмазного колеса Ураки), антагонист из потустороннего мира (глупый, но беспощадный Урака), и, главное, счастливый конец (Миконь возвращается домой и даже добывает воду). При этом все эти составляющие чуть смещены, будто отражены в слегка кривом зеркале или в воде: Миконь – герой, но не героический, Урака – злодей, но не страшный... Отчего парадоксально кажутся даже живее и обаятельнее. Будто сказку эту рассказывает сам ребенок, потешаясь, словно играя в «чепуху», не давая воспринимать события, о которых говорит, слишком всерьез. Гармоничным выглядит в такой сказке и иронический финал, когда простодушный и

робкий лентяй Миконь заявляет, выпив воды, «добытой»
Скрюченным-перекорюченным: «Мужик сказал – мужик
сделал. Забирай свою воду и больше меня по пустякам не
беспокой». Что же остается после этого жене? Наверное, как
и читателю, только улыбнуться.

Сергей Евгеньевич Эскендеров

КАК ЧУЧКОЙ ЗА ВОДОЙ ХОДИЛ

Населял когда-то берега Увы небольшой народец ростом с локоток, а вместо ступней – копытца. Прозывали их чучкоями. Может, до сих пор обитают там, среди травы, только давно никто их не встречал. Жил в те времена среди чучкоев один довольно ленивый мужичок по имени Миконь.

Послала его как-то жена воды привезти. Миконь лишь отбрыкнулся.

– Некогда мне. Видишь, я о жизни размышляю? Сама привези.

– В доме ни капли воды, а он весь день то на печи лежит, то на крыльце сидит! – Жена разошлась не на шутку. – И все ему некогда! А ну быстро за водой! Не то как пройдушь по спине кочергой, если сейчас же не пойдешь!

Чтобы только та отстала, пришлось доставать тележку с ведрами. За водой же собрался лишь на третий день. И то только потому, что жена потеряла всякое терпение и осмелилась все-таки проучить благоверного кочергой.

Довез Миконь тележку до перекрестка и решил немного передохнуть. Прилег рядом с тележкой и тотчас уснул. А как проснулся, забыл, в какую сторону шел. Крутит головой туда-сюда, а по какой из четырех дорог шагать к реке никакого представления. Домой бы вернулся, и дом не знает в какой стороне. И спросить не у кого. В конце концов, решил, что утро вечера мудренее, и вновь заснул. А под утро,

как проснулся, свернул на тропу, что больше понравилась, и побрел по ней.

Немного прошел, видит – у леса горбатая старуха Обыда привязала к сосне собаку и лупцует ральником почем зря. Бедная псина визжит, скулит, а вырваться от истязательницы не может. Наконец, старуха устала колотить собаку, присела передохнуть на траву. Только тогда Миконь осмелился обратиться к ней.

– Не подскажите, я правильно к реке иду?

– Я тебе что – справочное бюро?! – огрызнулась старуха. – Если тут всем подсказывать, язык отсохнет.

– А животное почему бьете?

– А это не твоего ума дело, понял?! – Старуха взвилась не на шутку. – Давай топай отсюда!

– Нет, просто собака...

– Била и буду бить и ни у кого дозволения спрашивать не собираюсь! Ясно? А ты идешь и иди! Всякому сучку еще докладывать обязана, что делаю и зачем! Моя собака – что хочу с ней, то и ворочу! Дорасти сперва до меня, а потом уж вопросы задавай! Может, я так нервы лечу?!

– Я не хотел... Я просто предполагал узнать...

Миконь попытался объяснить, но старуха злобно перебила чучкою.

– Ты меня уже до кишок достал. Такой мелкий и такой приставучий. Прямо как клещ. Вали давай отсель, и побыстрее, пока Ураку не кликнула. Если он прикатит, от тебя мокрого места не оставит. И вообще я отдыхаю. Понял? Все, пока!

– Я же просто... Вы меня не так поняли... – попробовал еще раз объяснить Миконь.

Обыда больше не слушала чучкоя. Чтобы человек, наконец, замолк, старуха сорвала шишку и затолкала чучкою в рот. После этого растянулась на траве и тотчас захрапела, точно заезженный конь.

Миконю пришлось порядком потрудиться, чтобы вытащить шишку изо рта. Желание общаться со спящей у чучкоя пропало напрочь, потому, дабы не мешать отдыху злобной старухи, он хотел сразу же уйти, но тут подала голос собака. Лаять псина боялась и лишь негромко кряхтела и до того страдальчески глядела на чучкоя, что жалко ее стало мужичку. Освободил бы собаку, вот только с Обыдой связываться лишний раз не было никакой охоты. Угадав его колебания, собака тихонько, чтобы не разбудить старуху, начала подвывать.

Вдохнул чучкой и попытался развязать собаку, но хитроумный узел, на который старуха привязала животное, никак не поддавался. Тогда собака указала мордой на ральник за поясом у старухи и тихо тявкнула. С осторожностью вытащил Миконь у спящей ральник и с его помощью растеребил узел на собаке.

Освобожденная собака радостно облизала спасителя, после чего схватила зубами ральник и положила чучкою в тележку. Несколько раз Миконь пытался вытащить ральник, но собака упорно клала его обратно в тележку. Перестав сопротивляться, Миконь решил больше не возвращать ральник старухе и оставил его лежать в тележке – в хозяйстве все сойдет. И быстрее отсюда. Собака за ним увязалась. Как ни гнал, ни в какую не желала отставать от спасителя, потрусила рядом.

Лишь только они скрылись, старуха проснулась. Когда обнаружила, что собака сбежала, заругалась непотребно, а уж когда заметила пропажу ральника, не на шутку разозлилась. Сунула пальцы в рот и засвистела сквозь оставшиеся два зуба во всю мощь. Тотчас со скрипом разверзлись чугунные ворота пещеры, что находилась на самом краю земли, и оттуда показалось громадное, сверкающее на солнце алмазное колесо. Внутри колеса сидел, управляя им, Урака – рослый дядька с длиннющим красным усом, сын Обыды.

Собака, едва заметила на горизонте колесо, понеслась от него со всех ног. Следом за нею припустил чучкой. Колесо – за ними. Скользит по земле, никуда не сворачивая. Лес перед ним – колесо прямо по лесу. Тот лишь сминается под алмазной машиной, точно бумага. Гора перед ним – колесо прямо через гору. Та под тяжестью колеса осыпается, точно она не каменная, а песчаная. И никуда не скрыться от колеса – рачьи глаза Ураки, не мигая, следят за каждым движением бегущих. Давно бы колесо раздавило Миконя, хорошо, собака помогла ему взобраться вместе с тележкой себе на холку.

Чучкой крепко держался за собачью шерсть, а сама собака старалась оторваться от колеса. Попыталась укрыться за горящий стог сена, но колесо прокатило прямо через огонь. По воде пробовала спастись, и это для колеса не оказалось проблемой. Побегала через грязь, через болото, сама чуть не завязла, наездника чуть не утопила, а колесу хоть бы хны – катится и катится вперед за жертвой. Лишь когда выехало на чистое место, поелозило немного, покаталось по траве, чтобы очиститься от тины и глины.

Когда алмазные грани вновь засверкали на солнце, увидел красноусый упавшего с собаки чучкой. Не задумыва-

ясь, тотчас проутюжил его колесом. Вылез Урака из колеса, подложил под него снятый с ноги чугунный башмак, закинул ус за ухо, чтобы не мешался, и пошел проверить, точно ли преследуемый погиб. Перевернул расплющенное тельце и разинул от удивления рот – вместо чучока в одежке человека лежало раздавленное в щепу бревно. Красноусый не успел подивиться данному превращению, как колесо вдруг покатилось, сбilo Ураку с ног и проехало по нему – тот даже крикнуть не успел. Колесо, блистая на солнце, покатилося дальше, закатилось в трясины, где упало плашмя в болотную жижу и, пуская пузыри, быстро затонуло, точно никогда не существовало.

К брошенному бревну подбежал раздетый Миконь. Стянул одежду с чурки и начал натягивать на себя. И тут же отпрыгнул. Из лопнувшего живота раздавленного Ураки во все стороны без конца лезли ящерицы, ужи, змеи и всякая другая нечисть. А из рачьих глаз красноусого с шумом выпорхнули два жутких клыкастых нетопыря.

-Чтоб я еще когда выбрался за чем-нибудь из дома! – зарекся Миконь, с содроганием глядя на омерзительных тварей, что бесшумно проползали мимо его ног.

Задумка его удалась полностью. Пришла она во время бегства, когда Миконь увидел плывущую в воде корягу. Чучкой втащил бревно на собаку, после чего заставил ту шлепать по топи. Когда следовавший за ними красноусый стал очищать колесо от налипшей с болота грязи, Миконь накинул на корягу свои штаны и рубаху, а сам с собакой шмыгнул в кусты. Как только Урака пошел к расплющенному бревну, собака потащила зубами из-под колеса башмак красноусого, а Миконь в это время приставил старухин ральник острием

к колесу, а сам прыгнул на ручку. Колесо тотчас покатилося на своего хозяина.

Чуть живого, еще не отошедшего от пережитых приключений Миконя собака привезла домой лишь на следующий день. Жена давно, уже который день высматривала чучкоя у ворот.

– Тебя только за смертью посылать! – Набросилась женщина на непутевого мужа. – Ты где шлялся столько времени?!

Чтоб хоть как-то ублажить жену, Миконь вручил ей старухин ральник и прихваченный от Ураки чугунный башмак, который чучкой решил приспособить под чугунок. Жена осмотрела привезенные вещи, после чего заглянула в тележку, где стояли пустые ведра, и грозно спросила:

– А ГДЕ ВОДА?!

Миконь чуть язык не прикусил. Он совсем забыл о воде.

– Так я же... Я просто...

Миконь попытался оправдаться, только жена ничего не желала слушать.

– Где вода, я спрашиваю?! За чем я тебя посылала?! Я за этим вонючим башмаком тебя посылала?! В доме ни капли воды, а он шарахается неведомо где столько дней и приходит совершенно пустой! Да еще собаку какую-то бродячую приволок! Это, что, вместо воды?!

Она еще бы много чего высказала, но тут залаяла собака. Жена швырнула в нее палку. Собака отскочила к ральнику и вновь начала гавкать.

– Уйми свою псину!

Только чтобы жена перестала ругаться, Миконь схватил ральник и лишь замахнулся им на собаку, как из ральника выскочило нечто скрюченное-перекорюченное. Скрюченное нечто потянулось, чихнуло, оглядело шишковидной головой кругом и мигом оценило обстановку.

– Что, хозяин, водички захотелось?

Ошеломленный чучкой не успел сказать ни «да», ни «нет», а нечто уже стянуло с головы лиловую, похожую на колокольчик, шапку. Та до краев оказалась наполнена свежей родниковой водой. Скрюченное-перекорюченное слило воду из шапки в ведро – ее оказалось в самый раз. Сделав дело, нечто скрипуче хихикнуло, почесало за ухом собаку – та от блаженства зажмурила глаза, – чихнуло еще разок и нырнуло обратно в ральник.

Ни Миконь, ни жена Миконя даже поблагодарить его не успели. На них обоих точно столбняк напал. Сказка уже давно закончилась, и даже собака лениво разлеглась на траве, время от времени вычесывая из шерсти надоедливых блох, а чучкой по-прежнему стояли с разинутыми ртами и тупо пялились на ральник.

Первым опомнился Миконь. Он подошел к ведру и отпил из него. Утерев рукавом влажные губы, чучкой обернулся к жене.

– Мужик сказал – мужик сделал. Забирай свою воду и больше меня по пустякам не беспокой.

ТРЕТЬЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Елены Владимировны Суриной «Лелетке»

Герой рассказа «Лелетке», чукотский мальчик с золотыми волосами, показан читателю в важнейший момент жизни – преобразования мальчика в мужчину. У северных народов инициация мальчика происходит тогда, когда он «усыпляет» своего первого оленя. «Олень уснет, отдав нам свою жизнь, чтобы мы могли двигаться дальше», – так наставляет юного Лелетке отец, оленевод Николай. Его предки испокон веков кочевали по тундре в поисках пропитания для оленей, олени были главной их ценностью и средством к существованию. Николай помнит, как его обучал премудростям оленеводства отец, в подарок от которого ему достался нож с крепкой рукояткой из оленьего рога в кожаных ножнах с традиционным чукотским орнаментом. А теперь уже он сам отдает свой нож Лелетке, самому младшему, самому долгожданному и любимому сыну.

Лелетке – главная надежда стареющего Николая. Но вот беда: он не может усыпить оленя. Рука поднимает нож – но снова дрожит. «Он же живой, он дышит», – шепчет мальчик, прячась в мамины юбки и плача от того, что снова

испугался, снова не смог победить себя и свой страх. Как же он станет оленеводом?

Мать и отец переживают и тревожатся за сына. Марьям боится, что уедет от них Лелетке в город, в школу, оставит их одних. А отцу горько от того, что не может Лелетке почувать зов крови. Как будто городской дух как-то проник в него от матери, прожившей несколько лет в городе и лишь недавно вернувшейся в тундру, и заглушил истинное его предназначение.

Лелетке в отчаянии от того, что не смог победить свой страх и свою нежность, ночью в метель убегает из яранги. Наутро родители не сразу спохватываются сына, а когда мать выбегает на улицу, уже поздно. Метель замела все следы.

Тонко, чутко и бережно автор воссоздает сцену горя родителей, потерявших свое дитя. Без лишних, казалось бы, эмоций, строго и смиренно принимают они мысль о том, что их сын, скорее всего, погиб. Николай, проискав Лелетке в тундре весь день, возвращается и, обойдя трижды вокруг огня, воздевает руки вверх, отдавая мальчика в мир духов. Марьям, выплакавшая, кажется, все слезы, ложится рядом с мужем у погасшего очага, и они остаются вдвоем перед лицом неизбывного горя. «Плакали две души о потере любимого сына».

Лишь звук снегохода в опустевшей тундре вернул Марьям из оцепенения. Лелетке! Тяжелое испытание, выпавшее на долю мальчика, не сломало его, а закалило. Напомнило о том, кто он и откуда. Заговорила кровь предков. Это больше был не мальчик с золотыми волосами. Это был оленевод, сын оленевода.

Елена Владимировна Сурина

ЛЕЛЕТКЕ

– А теперь твоя очередь, – произнёс Николай и дал острый нож самому младшему из своих семерых сыновей, – Не бойся, коли, сюда, прямо в сердце. И он уснёт, отдав нам свою жизнь, чтобы мы дальше могли двигаться.

Лелетке, взяв смело нож, подошёл к оленю и прицелился нанести удар в правый бок животного.

– Я же кормилец, я мужчина, – решительно начал проносить он, но с приближением ножа к теплой шкурке оленя, его голос терял силу и наполнялся дрожью. – Я не боюсь... – уже тихо, себе под нос прошептал Лелетке, бросил острый клинок на снег и, вытирая рукой застывающие на морозе слёзы, чтобы никто из старших не увидел, забежал в ярангу и спрятался за многочисленными оленьими шкурами. Исходящее от очага тепло обволокло всё тело и проникло вовнутрь. В яранге было уютно и пахло сушёной морошкой.

– Сынок, – услышала, стоявшая около огня мать, тихий детский плач, – что случилось? Опять не смог? – она подошла к ребёнку и прижала его к себе.

– Это ты делаешь из него недотрогу! В городе понабралась этих «нежностей»! – послышался на пороге строгий голос отца и тут же исчезнувший за свистом начинающейся метели.

Мать крепче прижала сына к себе.

– Он же живой, он дышит...– прошептал Лелетке и опустил голову.

– Лелетке, ты уже большой, ты должен владеть ремеслом своих предков, – мать рукавом вытерла чумазое лицо ребёнка, – Посмотри на братьев, они в твоём возрасте и аркан накидывали сами и умели усыпить оленя, чтобы он не мучился. Ты должен быть готов к взрослой самостоятельной жизни. У тебя будет своя семья, и ты должен её прокормить.

– От него исходит тепло...

– Да, от него исходит тепло, и он дарит его нам. Олени, сынок, посланы нам добрыми духами, чтобы мы могли жить. Олень засыпает – мы получаем его тело и освящаем его кровью стойбище, чтобы добрые духи оберегали нас. Так было всегда, – и мать затянула тихую мелодию, под звуки которой Лелетке мирно уснул на её коленях.

Через час в ярангу зашел отец со свежим оленьим мясом.

– Подожди до Кильвэя, пусть подрастёт, маленький он ещё, чтобы усыплять оленей, – пробормотала тихо мать, обращаясь к мужу.

– Посмотрим, – скупое ответил мужчина.

Мать молча взяла мясо и поставила на огонь вариться.

– Метель начинается. Продержится несколько суток, – добавил хозяин и начал закрывать вход в ярангу оленьей шкурой.

– В школу в этой году заберёт вертолёт, уйдёт он от нас... – чуть слышно промолвила женщина.

– Твоя кровь, – упрекнул её Николай. – Уйдёт, коль не научится с оленями управляться. А почувствует вкус – тундра всегда примет его назад.

По жилищу начал расходиться запах свежесваренной оленины.

– Пусть поспит, не буди, – с такой заботой в голосе сказал Николай и приступил к трапезе. Он помнил, как его самого, ещё совсем мальчишкой, отец учил премудростям оленеводства. Сначала ему доверяли приносить веточки и воду, чтобы напоить уснувшего оленя, потом отец подарил ему нож, такой, с крепкой рукояткой из оленьего рога, в кожаных ножнах с традиционным чукотским орнаментом. И теперь, этот нож он отдаёт своему Лелетке, а тот бросает его в снег. Неуважительно. Он помнил, когда родился Лелетке и как он его поднял на руках под самый купол яранги и сказал: «Великий оленевод из него вырастет!» И что теперь... Лелетке, любимый маленький Лелетке убегает, увидев заарканенного оленя, и прячется в подоле у матери. Лелетке, Лелетке, – ныло сердце Николая. Подождём Кильвэя, при людях он не убежит, придёт час, когда он станет мужчиной перед всем стойбищем.

Наутро метель разошлась ещё сильнее, в ярангу пробивался её гул сквозь щель от отодвинутой шкуры на входе.

– Сильно метёт, – произнёс Николай, – Оленям до ягеля не добраться. Будем съезжать. Как метель утихнет. За шаманом пойду, чтоб попросил духов утихомирить метель.

– Лелетке нет! – вдруг вскрикнула мать.

Вдвоём они осмотрели всю ярангу, под всеми шкурами, вокруг очага: нигде не было мальчика.

– Лелетке, сынок! – закричала мать, что есть мочи, выбежав из теплого жилища в зимнюю стужу, не накинув на себя даже жилетки.

Детских следов около порога не было; всё, что мог оставить ребёнок, давно уже было занесено снегом.

– Вернись, – скомандовал Николай, – сам пойду в соседние яранги, наверное, у кого-то из соседей чай пьёт.

У соседей мальчика не оказалось. Мужики стали собираться в центре стойбища.

– Где ж его теперь найти в тундре? Непогода, – начал старик Танат, – замерз где-то или волки загрызли.

– Лелетке, Лелетке, – причитала мать, не способная скрыть слёз и отчаяния. Уйти в тундру – значит обречь себя на верную гибель. Тем более ребёнку, тем более в такую метель. Лелетке был её единственным сыном, первенцем. Со всем молоденькой девушкой завели Марьям в дом Николая, когда тот овдовел, оставшись с шестью мальчишками. «Огонь в очаге не должен потухнуть, ты его хранительница, – сказала пожилая свекровь молодой хозяйке, взяла её за руку и ввела в ярангу. – С мальчишками буду помогать, старший-то совсем уже взрослый, скоро свою семью заведёт. Но своего роди, негоже мужу не подарить ребёнка. Вон, Валентина, шестерых родила, и забрали её духи. Хозяйкой она была хорошей, теперь ты на её месте. Не подведи, и духов не разозли, а то не будет нам покоя. Ты ж то, вон, умная, в городе училась, а мы люди простые и Валентина была простой и работающей».

Не любила Марьям, когда свекровь её сравнивала с покойной хозяйкой и ставила ей в укор жизнь в городе. Да, училась, ходила на каблуках, но не смогла больше жить вдали от земли предков и стареньких родителей, вот и вернулась обратно в тундру. Каблуки сменились на унты, а модная шубка на тёплую кухлянку. Долго не посылали духи Марьям своих детей, а свекровь всё попрекала: «Вот у Валентины, уже пятеро сыновей было в твоём возрасте, а ты, видимо, не

плодовита. Город испортил. К шаману тебя надо, на излечение». И водили Марьям к местному шаману, и скакал он вокруг неё с бубном и заклятия произносил. Потеряла она сознание и упала на снег, который вмиг стал горячим, как огонь в очаге и привиделось ей дитя – мальчик с золотыми волосами, который превращается в смелого охотника и духи благоволят ему. Очнулась Марьям уже в яранге, рядом с мужем. На груди от жары выступили капли пота, а сердце билось как никогда прежде. И через девять месяцев родился у них долгожданный Лелетке, как и в её видении – мальчик с золотыми волосами. Отец держал сына в строгости, а мать баловала. Разбежались старшие дети Николая, обзавелись семьями, только Лелетке радовал старого оленевода. Но переживал Николай – больно много мать жалеет его, да ласкает. Не знает тундра ласки, да и вовсе, духи не прощают её. А теперь Лелетке исчез. Сердце матери изнемогало, только старый оленевод Николай не показывал эмоций. Соорудили мужики собачью упряжку и поехали в сторону лесополосы искать мальчика.

День клонился к закату. Метель всё не утихала, только к вечеру стало поспокойнее. Огонь в очаге трещал, словно предвещал плохие новости. Николая всё не было. Смотрела Марьям на трескучий огонь и вспоминала своего мальчика. Потом тихо затянула песню, чтобы задобрить духов тундры. Едва услышав приближающийся собачий лай, Марьям выскочила из яранги. Было уже совсем темно. Когда Николай приблизился, по лицу мужа она поняла, что ребёнка не нашли. Убитый горем отец вошел в ярангу, не сказав ни слова, он обошел три раза вокруг огня и поднял руки вверх, как когда-то поднимал своего Лелетке, ближе к духам.

– Живи сынок, ты теперь в мире духов, – спокойным голосом произнёс он и упал навзничь. Марьям легла около него, слёз у женщины больше не было. В их яранге потух огонь, впервые с того времени, как Марьям стала хозяйкой и женой Николая. Два, убитых горем от потери ребёнка, человека, теперь лежали рядом друг с другом в остывающей яранге, где-то посреди чукотской тундры.

На следующий день метель совсем стихла, и стойбище стало собираться, чтобы двигаться дальше по заснеженной равнине. Только из яранги Николая не вышел никто.

– Не будем их трогать, – произнёс старик Танат, – они принимают добровольную смерть, они отдают себя духам тундры, – и олениводы двинулись, гоня впереди своё стадо.

В ту ночь, вся жизнь пронеслась у Николая перед глазами. Он появился на свет в роду олениводов, все его предки испокон веков занимались оленями и кочевали по тундре, чтобы животное оставалось сытым в любое время года. Вспомнил он и первую жену свою Валентину, и как болело его сердце, когда она умерла, рожая шестого ребёнка. Только сыновья заставили его жить. Потом к старикам Тымнерахтынам приехала из города младшая дочь Марьям; помнил он её ещё маленькой девочкой, а теперь такая девица выросла. Не понравилась ему Марьям, «городская» – как называли её в стойбище: «шубку то носит не по тундре, духам не понравится». Недолго она носила свою шубку, мороз трескуч, здесь городская шубка не согреет. Одела Марьям кухлянку и смотрит Николай – девка-то видная, старикам помогает во всём, работы не боится, хорошей матерью будет для его пацанов. Только хотел Николай ещё детей, долго ждал, ничего не говорил молодой жене. И вот Лелетке – как солнечный

лучик посреди долгой полярной ночи, самый любимый из семи детей, самый маленький – мальчик с золотыми волосами. Как благодарил старый оленевод духов, как отмечали всем стойбищем рождение долгожданного сына. Вся надежда была на Лелетке, радовался старый оленевод, старался – всё самое лучшее отдавал сыну и молодой супруге.

Марьям лежала рядом с мужем, смотрела на его изработанные красные руки, на черные с проседью волосы, потом прижалась ещё ближе и закрыла глаза. Закружила Марьям городская жизнь, из школы-интерната в педучилище, там много ухажёров на неё засматривалось. В городе жизнь не такая. И мороз не такой крепкий, и тепло всегда. Вода горячая, холодная, не надо идти на прорубь или топить снег. Хоть и прожила большую часть своей жизни в городе, доброй была Марьям девочкой, отзывчивой, родителей навещала в тундре: сначала на вертолёте, потом на снегоходе до стойбища. А родители уже стариками стали, одни остались, но не жаловались на тундру, не гневили её духов. Жалко стало Марьям старых родителей, вот и вернулась она обратно к ним, помогать и ухаживать. Тут и Николай появился, мужчина видный, но строгий. Слова ласкового не скажет, только глаза выдают, сколько в них заботы. Как мать приняла Марьям его сыновей, вырастила их и отпустила, как птица выпускает своих птенцов из гнезда. И тут появился Лелетке, своя кровиночка, «дитя тундры» – как говорили в стойбище, – «духи смилоствовали над Николаем».

Плакали две души о потери любимого сына. Духи дали, духи и забрали. «Лелетке, Лелетке», – ныла душа. «Лелетке, Лелетке», – гулом вторила метель, как будто прося духов тундры жалиться над безутешными родителями.

Яранга совсем остыла. Два человека лежали на шкурах, каждый по-своему переживая горе. Смолкли голоса соседей, исчез вдалеке лай собак. Стойбище ушло искать другую стоянку. Осталась единственная яранга посреди бескрайней тундры. Воздух мелкими морозными льдинками проникал глубоко вовнутрь и выходил искрящимся паром. Марьям взяла крепко за руку мозолистую руку мужа.

– Слышишь? Снегоход, – прошептала она.

Николай ничего не ответил.

– Лелетке! – вскрикнула Марьям, и выбежала из уже совсем холодной яранги.

– Мама! – бросился к ней Лелетке, из-под шапочки которого выбивался золотой локон.

Марьям упала коленями на белый снег и обняла сына. Из яранги вышел Николай и, увидев Лелетке, смахнув рукой скупую слезу.

– Ваш? – спросил его голубоглазый мужчина на снегоходе, – Нашли его случайно в лесу, хотели отправить на вертолёте в город. А он глазами хлопает, говорит, что не поедет, что оленевод он и нож показывает с рукояткой из оленьего рога.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ «ЗА СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О СРАЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА И СТИХИИ»

Ирина Александровна Ершова

БОЛЬШАЯ ВОЛНА

До праздника оставалось несколько дней. По всей стране люди готовились достойно встретить тридцатипятилетие Великой Октябрьской революции. Война закончилась семь лет назад, но на Сахалине и Курильских островах до сих пор было неспокойно. То здесь, то там компетентные органы ловили японских диверсантов. Провокация перед юбилеем – удобный повод для обострения международного положения. Нужно быть особенно бдительным и осторожным. Это удавалось не всегда.

Сюда, на рыбозаводы острова Парамушир, люди съезжались со всех концов великой державы, чтобы за сезон заработать хорошие деньги. На пропитание семьи, на дом, на скотину – на жизнь. Многие потом возвращались на материк, приезжали другие, но некоторые оставались на годы. Кто эти люди и откуда – не очень волновало большое и малое начальство. Главной была задача: дать голодающей стране побольше рыбы и морепродуктов. А где, что, зачем и почему, пусть компетентные органы выясняют. Если захотят.

Утром 3 ноября капитана Литвинова вызвали в штаб округа. То, что Виктор Литвинов – кадровый офицер, знали немногие. Те, кому положено *знать*. Для остальных он был обычным работягой, приехавшим на рыбокомбинат за длинным рублём, одним из многих тысяч фронтовиков, вернувшихся с войны и ищущих место в мирной жизни. Числился на должности, позволявшей не привлекать особого внимания к разным поездкам на Сахалин, Камчатку и близкие острова. Виктора, его жену Валю и двоих детей поселили в обычном доме с одними соседями. Семья как семья. Но... Приходила определённая радиограмма, потом прилетал самолёт... Где-то якобы срочно требовалась помощь спокойного рукастого мужика, и механика, и слесаря, и плотника... Всё тихо-мирно-законно. А что там и как, кому какое дело?

Проводив мужа, Валя почувствовала смутную и всё нарастающую тревогу. Глухая тоска возникала где-то глубоко внутри, вязким комком подкатывала к горлу. Не продохнуть. Беспокойство не было связано с Виктором. К празднику он обещал вернуться. Сказать прямо – не сказал: и у стен есть уши. Но женщина знала, муж поехал за новым назначением. Был у супругов условный сигнал, о важном – по привычке – давно разговаривали знаками.

Литвиновы приехали на Парамушир полтора года назад. Валя долго привыкала к суровой красоте этого края, к курящемуся вулкану, к частым землетрясениям. Беспокоилась за мужа и детей. Ночами ей снился родной городок в Центральной России, любимый и незыблемо-надёжный в своём многовековом постоянстве. Здесь же всё было временным: погода, природа, бараки, рабочие-сезонники... Но человек ко всему приспосабливается. К опасностям – тоже. Не

было больше паники, когда от небольших колебаний почвы позвякивала в шкафах посуда, и вулканический пепел на одежде тоже не пугал и не вызывал раздражения.

Почему именно сегодня на душе заскреблась стая кошек, женщина понять не могла. Что-то было не так – и всё! Прошли сутки, пошли вторые, ничего не изменилось. Ни работа, ни привычные домашние дела не заглушали тревогу, а забежавшая на минутку соседка Маша Стеблова лишь подлила масла в огонь. Её маленькая белая собачка Лапочка весь день не находила себе места. Просилась на улицу, но одна не шла, звала хозяйку. Скреблась-скреблась в дверь и вдруг начинала выть, как по покойнику. Ей вторили соседские собаки, да так, что кровь леденела в жилах. Муж Илья уехал с Валиным мужем. Вдруг что-то с ними случилось? А Маше скоро рожать...

Когда за соседкой захлопнулась дверь, Валя подошла к окну, отодвинула занавеску. Начинало темнеть, на небе ясно обозначилась полная луна. Двухлетняя дочка Леночка встала рядом, удивилась:

– Ой, какая луна! Как блин.

– Почему блин? Круглая?

Девочка улыбнулась, пожала плечами и вдруг спросила:

– Мама, что такое рожать?

Валя не успела ответить. Хлопнула дверь, в комнату пулей влетел запыхавшийся, раскрасневшийся сын. Размахивая руками и захлёбываясь от волнения, Алёшка рассказал об убегающих в сторону сопки животных.

– Мам, у некоторых собак на шеях обрывки верёвок, представляешь?! С привязи сорвались. Дедушка Ким, когда

это увидел, стал печальным. Бормочет себе под нос и вздыхает. А что, мы с ребятами так и не поняли. Сказал, скоро к тебе зайдёт, поговорить хочет.

Сколько лет старому Порфирию Киму, не знал никто. Корейцев на острове было много. В годы войны для различных строительных работ японцы вывезли из Кореи много крепких мужчин. После войны их постепенно возвращали на родину. Да вот беда – пароходы направлялись в Северную Корею, а оказавшиеся на Парамушире корейцы родом были с юга.

Но старый Ким родился в России, и уезжать в Корею не собирался. По-русски он говорил хорошо, без акцента. В Северо-Курильске появился ещё до приезда Литвиновых. Корейцы из Страны утренней свежести плохо знали русский язык. Нужен был переводчик. Говорили, раньше Ким жил где-то в Приамурье, и была у него большая семья. Но жена умерла ещё до войны, где дети, никто не знал. Если спрашивали, старик не отвечал, будто не слышал вопроса.

В начале сорок девятого к Киму приехала беременная внучка с трёхлетним сынишкой. Где её родители и муж, осталось тайной. Роды были тяжёлыми, ребёнок не прожил и дня. Молодая женщина потеряла много крови и тихо угасла, как задутая ветром свеча.

Так случилось, в последний день рядом с ней оказалась Валя. Работа в военном госпитале многому её научила. Как могла, она пыталась спасти несчастную мать. Но не было лекарств. Кореянка понимала, что обречена, и тихо плакала. Потом сухой горячей ладонью коснулась руки женщины, потянула к себе, пока Валино ухо не коснулось воспалённых губ:

– Выполните мою просьбу, если сможете. Вы добрая, вы хорошая. Не оставьте моего сына... Помогите. У него на шее шёлковый мешочек. А в нём... Там всё написано... Дедушка старый... А вы добрая, я знаю... Помогите!

После полудня пришёл Ким с маленьким Сашкой, они вместе сидели у постели больной и едва сдерживали слёзы. Испуганный Сашка жался то к матери, то к Киму. У Вали сердце обливалось кровью. Вскоре молодая женщина тяжело вздохнула и затихла.

Этим же вечером Валя рассказала мужу о просьбе умершей корейки. Виктор нахмурился, взъерошил волосы и ответил не сразу. Он что-то знал о Сашкиной семье, но поделиться с женой не захотел.

– Помоги, как сможешь, по-матерински. Пожалей сироту. Родных у него, кроме старого Кима, похоже, нет.

Сашка остался на попечении прадедушки. Иногда старый Ким вместе с правнуком заходил к Литвиновым, играл с Виктором в шашки. За игрой они о чём-то тихо беседовали. Улыбчивый Сашка быстро подружился с Алёшей и Леночкой. Валя старалась лишний раз как бы невзначай коснуться ладонью его головы, ласково погладить иссиня-чёрные густые волосы, накормить горячими щами. Благодарный мальчик обнимал руками её шею, замирал на мгновенье... Тосковал по материнской ласке. Женщина едва сдерживала слёзы.

Ким появился, когда дети готовились ко сну, а Валя на кухне домывала посуду. Присел на табурет, пригорюнился.

– Знаю, не поверишь мне... Но собирай детей и будь готова бежать в сопки. Беда идёт, Валя, большая беда! Слышишь, собаки воют? Они беду чувствуют.

– Какая беда? – мокрая чашка звякнула о раковину и выскользнула из Валиных рук.

– Корейцы говорят, землю будет трясти сильно-сильно, и может прийти большая волна. Она всё разрушит... Очень много людей погибнет... Не веришь мне, вижу, не веришь...

Валя с удивлением смотрела на съевшегося на табурете маленького сухощавого старика – и не верила его словам.

– Если бы что-то угрожало, объявили бы...

– Мы с Сашкой уходим в сопки. Холодно? Костёр разведём. Не пойдёшь с нами? Не пойдёшь. Но пусть этой ночью дети спят одетыми. И сама оденься. И будь готова бежать в любую минуту.

Когда за стариком захлопнулась дверь, тягучий липкий страх сильнее сжал Валино горло. Она знала, кореец мудр, как змея, слов на ветер не бросает. После долгих раздумий женщина решила последовать совету Кима: велела Леночке и Алёшке не снимать одежду, поставить у кровати сапожки, а пальто и шапки положила на стул рядом.

Когда дети уснули, Валя погасила свет и долго стояла у окна. Тревога становилась всё острее. Поздняя осень, холодно, ветрено. Сопки недалеко, полкилометра не будет. Но как уходить с детьми в ночь, в никуда – без видимых на то причин?! На всякий случай женщина приготовила сумку с документами и хлебом, свою верхнюю одежду и всё завернула в цветастое покрывало. Не раздеваясь, прилегла рядом со спящей Леночкой, погладила её по кудрявым волосам, поцеловала в щёчку и не заметила, как сама задремала.

Её разбудила гремевшая на кухне посуда. Валя вскочила и, не зажигая огня, поспешила туда.

Но в дверях споткнулась об упавшее с лавки ведро. Пол резко качнулся под ногами, тарелки и кастрюли полетели с полки, по крыше загремели кирпичи.

Женщина бросилась назад в комнату, затормошила сына:

– Алёша! Скорее вставай! Бери сумку – и на улицу! Быстрее, быстрее! Сапоги потом наденешь!

Сама же подхватила сонную дочку, завёрнутые в покрывало вещи и поспешила следом за сыном. Она была на крыльце, когда земля содрогнулась ещё раз. Покосившееся крылечко отошло от стены и стало разваливаться.

– Мама! – отчаянно закричал сын. – Прыгай!

У соседнего дома собралась толпа напуганных, полуодетых людей. Плакали дети. Взрослые с тревогой говорили, что землетрясение сильное, у многих разрушились дымоходы и потрескались печи. Давно такого не было. А на носу зима...

Сосед Петя Пухов, шофёр с рыбокомбината, посмеялся, что землетрясение лично ему помогло: сдвинуло с места сломавшуюся трёхтонку. Вон, зафырчала, как зверь. И не докажешь начальству, что полдня без толку в моторе копался. Люди заулыбались, подождали ещё минут десять и готовы были разойтись по домам. Но...

Случилось что-то невообразимое. В сторону сопок, тяжело дыша, бежала толпа корейцев, работавших в ночь на рыбозаводе. Потом ещё... Кто-то не останавливаясь, на ломаном русском прокричал:

– Уходите в сопки! Вода ушла...

– Куда ушла? Зачем ушла?

Ответа не последовало. Но Петька Пухов в мгновение ока стал серьёзным. Приказал жене:

– Маринка, молчи и полезай в кабину! Помнишь, как на Камчатке было?! А вы, люди, хотите жить, лезьте в кузов! Только быстрее! Дорога каждая минута! Волна!

Валю словно кипятком ошпарило: волна! Ким говорил о волне... Как она с детьми и Машей оказалась в кузове, не помнила. Маша прижимала к груди вдруг притихшую Лапочку и бормотала под нос:

– Волна... Придумали тоже... Три года здесь живу, никаких волн не бывало...

Петька гнал машину к сопкам, не разбирая дороги. Но скоро техника заглохла, пришлось её бросить. Взрослые и дети, спотыкаясь о камни, поднимались выше пешком по набитой уже тропинке. Те, кто пришёл раньше, разожгли костры. Испуганные люди потянулись к огню. Они не понимали, чем может грозить какая-то волна.

– Что за переполох? Что случилось? Кто знает, объясните!

Многие жили на острове два-три года и всякое повидали. Волны были, да, и жестокие шторма случались. И что? Низины слегка подтапливало. Почему сейчас должно быть иначе? Кое-кто из скептиков, озябнув, засобирался вниз, домой, в тепло и сухость. Но сделать это первым никто так и не решился.

Люди всё прибывали. Полная луна освещала их встревоженные, испуганные лица. Женщины судорожно прижимали к себе детей, мужчины нервно курили. Тревога будто бы висела в воздухе. В толпе корейцев Валя увидела Кима.

Они с Сашкой с ног до головы были закутаны в тёплую одежду. Старый кореец улыбнулся, кивнул в ответ, протиснулся к Литвиновым, встал рядом.

– Валя, привела детей... Я рад. Я хочу, чтобы вы жили.

– Пришли... Но что же может случиться, я так и не поняла. Куда вода ушла?

– Далеко в море. Может, на километр... Она скоро вернётся. И принесёт беду.

Словно в подтверждение этих слов где-то далеко внизу возник странный, всё нарастающий гул. Самолёт?! Со стороны воинской части слышались частые беспорядочные выстрелы.

– Что это?! Война... Неужели снова война?! Не волна, а война!

Странный грозный рокот заглушил все другие звуки. Люди застыли в оцепенении и устремили изумлённые взгляды в сторону пролива. Из-за горизонта на сушу стремительно надвигалась тёмная фосфорецирующая стена, с каждым мгновением увеличиваясь в размерах. С ужасающим грохотом гигантская волна обрушилась на город. Расположенные ниже дома Северо-Курильска скрылись под бурлящей водяной толщей. На мгновение всё замерло. Затем вода с той же стремительностью и силой рванулась назад, в океан, сметая всё на своём пути.

Сердца вмиг оставшихся без крова людей переполняло отчаянье. Кто-то молился, кто-то плакал в голос.

– За что нам такое, Господи?! За что?!

– Мама, ой, мамочка... Почему ты не пошла с нами?!

Остроглазая Маша вдруг радостно затормошила Валью.

– До нашего дома, пожалуй, не дошло!

Молодая женщина стояла рядом в накинутой поверх пёстрого халата старой фуфайке, едва сходящейся на большом животе, валенках на босу ногу и прижимала к груди притихшую Лапочку.

Леночка вдруг недовольно завозилась на руках у матери, тихо захныкала.

– Что тебе, доченька? Замёрзла?

Девочка шмыгнула носом:

– Шапка колется! Не хочу эту шапку! Я домой хочу!

От волнения и тоски Валя вместо тёплого платка приготовила дочке красную шапку из овечьей шерсти, бабушкин подарок, тёплую, но колючую. Леночка её не любила. Нужно было срочно успокоить малышку.

– Сейчас нет другой, потерпи немного. И домой скоро пойдём... Потерпи, доченька... Алёшка-то где?

Женщина с тревогой оглянулась вокруг в поисках сына. Тот был недалеко, стоял рядом с Кимом и Сашкой, цепко сжимая в руках скомканное покрывало. У Вали немного отлегло от сердца.

Леночка тоже увидела брата, стала вырываться из материнских объятий:

– Не хочу эту шапку! Я к Алёше хочу! Я домой хочу!

Домой хотела не только Леночка. Но что осталось от их домов... Плачущие люди напряжённо всматривались в темноту.

Кто-то из нетерпеливых всё же устремился вниз. Кореицы пробовали их остановить, но те лишь досадливо отмахивались:

– Да отстаньте! У меня там скотина в сарае... Э-эх, посмотрю, что с ней случилось... Может, хоть поросёнок уцелел...

– Пойдём и мы? Посмотрим, что да как... Одежду тёплую возьмём, – застывшими губами хрипло проговорила Маша.

Валя засомневалась, стоит ли идти с детьми в темноте. Лучше посидеть здесь ещё несколько часов, пока не рассветёт. Лапочка, смирно сидевшая на руках хозяйки, вдруг спрыгнула на землю и скрылась в толпе и на крики хозяйки не отзывалась.

– Ах, ты, зараза! Попадись мне! – разозлилась Маша, забыв и о страхе, и о холоде.

Валя оглянулась вокруг и не обнаружила сына. Леночка стояла рядом с Сашкой. Ким держал в руках какие-то вещи. Среди них Валя узнала своё покрывало.

– Ким, где Алёшка?!

Сын скоро нашёлся, он стоял рядом с Петей Пуховым, внимательно слушал, что тот объяснял окружившим их женщинам. И только сейчас Валя вдруг поняла, что сумки с документами в руках мальчишки нет.

– Алёша! Подойди скорее!

Сын послушно подошёл к матери.

– Алёша, где сумка? Ты куда её дел?

Паренёк удивился:

– Какая сумка? Ты мне сама покрывало дала... Не брал я никакую сумку...

Сумка с документами осталась дома. Так опростоволоситься! Нужно срочно её забрать! Не зря говорят: кто-то горюет, а кто-то ворует. Там кроме документов все заработанные деньги. Их-то точно заберут и не побрезгуют. До дома минут десять ходьбы. Заодно нужно посмотреть, что и как там внизу.

Детей Валя решила не брать, оставить с Кимом и Пуховыми. Алёшка с радостью согласился. Но Леночка с громким плачем вцепилась в мать:

– Я с тобой! Я не останусь! Хочу платок, а не шапку!

Ким попробовал уговорить девочку:

– Какая красивая у тебя шапка, как огонёк. Ты как огонёк в ней. Нам без тебя холодно будет. Валя, не ходи! И ты не ходи!

– Нет, я с мамой!

Что делать... Женщина подхватила упрямыцу на руки и поспешила следом за спускавшейся по узкой тропе Машей.

Идти быстро не получилось. Ноги вязли в грязи, всюду валялись обломки досок, кирпичи, всякая утварь. Скоро стало понятно: их дома точно устояли. Возможно, кое-где разбило стёкла. Женщины подавленно молчали. От напряжённой ходьбы Валя задохнулась и немного приотстала, переводя дыхание. Леночка крепко держалась за материнскую шею. Маша ушла вперёд, не стала ждать соседку.

Где-то внизу, в центре городка, вдруг вновь раздались душераздирающие крики и утонули во всё нарастающем шуме. Обогнавшие Валу люди в страхе бежали назад. Подняв голову, женщина отчётливо увидела, как на город надвигается чёрная, с пенистым гребнем на вершине, водяная стена неимоверной высоты.

С немым криком ужаса женщина сорвалась с места: назад, назад, к спасительным сопкам! Но по дороге она за что-то зацепила ногой и будто в капкан попала: ни туда, ни сюда... Волна накрыла её, опрокинула на спину. Но Валя смогла подняться. С трудом удерживая равновесие, она стояла в бурлящем водовороте и крепко прижимала к себе при-

тихшую дочь. Вода, громко клопоча, стремительно уходила. Женщина снова не устояла на ногах, упала неловко и на долю секунды ослабила объятия. Ревущий поток выдернул Леночку из материнских рук и покатился дальше, унося за собой очередную беспомощную жертву.

Несколько мгновений женщина не осознавала происшедшего, всё казалось кошмарным сном. Потом невидимая сила подхватила её, заставила резко вскочить и выдернуть ногу из-под застрявшей в земле железяки. Не разбирая дороги, Валя ринулась вслед за отдаляющейся водой.

– Лена! Лена!!! Доченька моя-ааа...

Силы были неравными... Вода оказалась намного быстрее маленькой отчаявшейся женщины. Валя спотыкалась и падала, перебираясь через завалы, в кровь ободрала руки и колени, но не чувствовала боли. Она вслушивалась в заглушённые шумом ревущего потока крики ужаса и боли и надеялась услышать где-то совсем рядом знакомое «Мамочка!»

Но был только рокот воды и крики о помощи... Женщина и представить не могла, что на месте центральной улицы возник гигантский водоворот, стремительно закруживший развалины домов, катера, людей, Петькину трёхтонку... Подхватив всё, что уцелело в адской воронке, вода отступила в океан и минут через десять вернулась, выкинув на берег горы обломков.

Сколько времени прошло, обезумевшая от горя женщина не знала. Она сорвала голос и лишь хрипела:

– Лена... Леночка...

Как сомнамбула, добралась до берега и бродила у кромки насытившейся своими жертвами и успокоившейся воды.

Начинало светать, и стало понятно, что Северо-Курильска больше нет. Ни домов, ни заводов, ни воинских частей... Спустившиеся с сопок смельчаки пытались отыскать тела родных и близких в чудовищном нагромождении разбитого дерева, камня, земли и металла.

Валя вдруг услышала знакомое твяканье и словно очнулась от кошмарного сна. В нескольких шагах от неё малышка Лапочка пыталась что-то вытащить из воды. На мгновение мелькнул пёстрый Машин халат, потом показалось её лицо.

Потрясённая Валя бросилась к соседке, потянула за одежду на песок:

– Маша, Машенька, как ты?!

Маша смотрела невидящими глазами. Затылка у неё не было. Лапочка без сил опустилась на песок рядом с хозяйкой и тонко, безысходно завывала.

Среди обломков Валя и раньше натывалась на изувеченные тела мужчин, женщин, детей. Леночки среди погибших не было. Но и надежды, что девочка выжила, почти не осталось. Вдруг в лучах восходящего солнца недалеко от берега мелькнуло что-то красное. Красная шапочка?!

Не раздумывая, Валя шагнула в обжигающую холодом воду и поплыла. Всего несколько метров и... Но волны, словно издеваясь над несчастной матерью, ласково колыхали большой вымпел, висевший в клубе. Скованные холодом руки и ноги не слушались, плыть назад не было сил. И желания жить не было.

Словно издалека женщина услышала отчаянный голос сына, зовущий её:

– Ма-ма-аа!

С усилием она открыла глаза и сквозь стылую пелену увидела на берегу три неясные фигуры. Сын... Есть ещё сын, как она могла забыть о нём! Один гребок, второй – и ноги коснулись дна. Набежавшая волна подхватила женщину, как пушинку, вытолкнула на мелководе. Подоспевшие Ким и Алёша помогли Вале подняться.

– Мама! Мама! Мама! – отчаянно рыдал мальчик, целуя её заледеневшие руки.

А у Вали не было слёз. Странная апатия овладела душой. Что было дальше – помнила смутно. Снова поднялись в сопки, грелись у костра, Марина Пухова заставила переодеться в сухое... Помнила, как обнимала сына и Сашку, не отпускала их от себя ни на шаг. Потом стали приходить пароходы. На одном из них вместе с Пуховыми они и оказались.

К утру женщина свалилась в жесточайшей простуде. В себя пришла в больничной палате. Рядом сидел осунувшийся муж. От него узнала, что находится в Сахалинске. Туда привезли большинство пострадавших. Алёшку и Сашку вместе с дочерью и зятем приютила мать Марины Пуховой. Там же остановился и с трудом нашедший семью Виктор. Остальные расселились, где кто смог. Люди с жадностью узнавали доходившие до них новые подробности трагедии, оплакивали потерю родных и знакомых, радовались, если кто-то из оплаканных оказывался живым. Но куда исчез старый Порфирий Ким, никто не знал и не видел. И новостей о Леночке не было.

На Парамушир Литвиновы больше не вернулись. Да и возвращаться было некуда. Цунами разрушило многие городки и посёлки от Камчатки до Владивостока. Сколько людей погибло, ведомо только Богу. О страшной трагедии все старались поскорее забыть. И нужные документы подписали без разговоров.

Валя болела долго, почти до Нового года. Виктор получил новое звание и направление в небольшой сибирский городок. Туда он в скором времени перевёз жену с сыном и осиротевшего Сашку. Кстати, сумка с документами нашлась. Она оказалась завёрнутой в злополучное покрывало. Но чернила в паспортах оказались размытыми. Пришлось восстанавливать документы.

Замотавшееся начальство не стало выяснять, каким образом у светлоглазого блондинистого майора Литвинова вдруг появился темноволосый узкоглазый сын. Сын, значит – сын. А какие у него глаза, пусть в своей семье разбираются. И немолодой человек в военной форме недрогнувшей рукой вписал в паспорта Виктора и Вали имя Сашки. Так Саша Ли превратился в Александра Викторовича Литвинова.

Муса Музыгитович Галимов

БУБЕН ШАМАНА

Часть первая

«Эди, он такой увлеченный... у него так много старых книг... он целое лето живёт в чулане, он там всю мебель сделал сам из досок: и стол, и кровать, и книжный шкаф... он даже покрасил их не краской, а лаком, который сам сварил из подсолнечного масла... У него не только книги старые, он еще носит старую ветровку из зеленого брезента, которую называет штормовкой, у него и рюкзак, и палатка из такого же материала. Этим вещам, наверно, лет пятьдесят, они такие выцветшие, с заплатками... А еще, у Эди самый лучший лук среди ребят и стрелы с бронзовыми наконечниками. Они блестят на солнце красновато-желтым цветом, красиво так, и летят его стрелы далеко и точно в цель...»

«И вот, записку прислал. Мальчишка... Догадался же привязать её к стреле и метнуть прямо на наличник окна моей комнаты! А если бы мама увидела?.. Не мог просто СМС написать, нет, ему надо всё по-старинному. Зовёт в пять утра на опушку леса, решил устроить для меня шаманские танцы. Это уже совсем перебор... До этого пропадал где-то два дня. Опять, наверно, в поход ходил в одиночку. И как ему не страшно в лесу одному ночевать?..»

Конец июня – еще не самая теплая часть лета, хотя это время коротких ночей, когда кажется, будто и не темнеет. В одиннадцать вечера еще светло, а в три ночи уже светает. В пять утра солнце восходит в полный диск, и, даже, немного греет. Но, всё равно, ногам еще холодно, роса на траве лежит

серебристым отливом, а над рекой стелется белый, как облако, туман. Еще нет шума транспорта и людей, но всё небо заполняет такой гомон птичьей многоголосицы, что начинаешь понимать, насколько в действительности заселена земля.

Эва шагала по узкой тропинке к опушке леса. В свои тринадцать лет она впервые встала так рано, и ей удалось выскользнуть из дома незаметно для спящих родителей. Сегодня она действительно превзошла себя и подтвердила прозвище «Оторва», которым называла её мать, когда узнавала, что в очередной раз натворила её дочь. Она всегда носилась с ватагой ребят, рыбачила, каталась на велосипеде и играла в те же игры, что и ребята. Да и как же не быть ей «Оторвой», если вся улица полна мальчишек и, кроме неё, нет ни одной девочки!

Невысокая, худая, она была одета в красивое светлое платье, которое впору носить в жаркий летний день, но никак не в раннюю утреннюю прохладу. На улице было настолько свежо, что ей приходилось идти бодрым шагом.

Погруженная в свои мысли, она не обращала внимания на все, что творилось вокруг. Оглушающие звуки лесных обитателей являлись для неё составляющими той тишины, нарушения которой она внутренне ждала.

И вот еле уловимый звук бубна, который отбивал ритмичные удары, донесся до её острого слуха. Невольно она прибавила шаг и стала прислушиваться к этому ритму.

– Бум-бум, бам-бам; бум-бум, бам-бам, – она слышала знакомый ритм бубна. Точно, это был тот самый ритм, под который они исполняли шаманский танец в школе.

«И что, бубен стащил из школы, или сам сделал?» – подумала она, всё прибавляя шаг. Эва была так потрясена,

она и не могла бы представить себе, что это подействует на неё так вдохновляюще: девочка была готова пуститься в пляс.

«А здорово он все-таки придумал», – решила Эва.

Тропинка сделала последний поворот, и девочка увидела еще один обязательный атрибут шаманских танцев – костёр. Это был горящий поленик с метр высотой, правда, он больше дымил, чем горел.

– Бум-бум, бам-бам; бум-бум, бам-бам, – всё громче гремел бубен, всё тверже становился его звук, всё устойчивей ритм. Каждый удар бубна проникал в самое нутро Эвы, вызывая какую-то эйфорию и приподнятое настроение.

«Откуда он так научился? – думала она, – он же никогда не играл на нем. Здорово получается. И бубен у него звучит по-другому. А в школе... Тот издавал какой-то дребезжащий звук, а этот дает такой чистый и глубокий, что даже за душу берет».

Она подошла ближе, и вот уже видит его, танцующего с бубном в руках.

– Бум-бум, бам-бам, – выпад влево, – бум-бум, бам-бам, – выпад вправо. Вот бубен падает к земле и вновь взлетает выше головы, вот раскачивается вправо-влево, вот идет по кругу... Эва как завороженная наблюдает за ним. Он такой большой, такой странный, каких она и не видела. Подойдя еще ближе, она уже видит, что этот бубен не новый, он весь потрепанный, как будто на нем играли не один десяток лет. И Эди, высокий, статный, черноволосый, но во что он одет! На нем какая-то шкура с обтрепанным, облезлым мехом, подпоясанная кожаным ремнем – вылитый шаман со старой картины художника. Он так сосредоточен игрой на бубне,

что не замечает ничего вокруг. Взгляд его то и дело скользит мимо неё, но он будто не видит.

И тут Эва начинает понимать, откуда может быть этот бубен и где он пропадал эти два дня.

– Эди, Эди! – восклицает она, стараясь перекрыть ритмичные удары, – ты откуда взял этот бубен, он же настоящий, тебе нельзя на нем играть, ты же не шаман, а вдруг чего случится, кто тебе поможет, кто тебя спасёт, прекрати сейчас же, прекрати!

Но Эди не слышит её, он отрешен от реальности, он весь в танце. Словно замороженный ребенок, бежит он вслед за бубном, который то колеблется вправо-влево, то припадает к земле, то взлетает к небу, и всё это вокруг костра, всё больше и больше расширяя радиус круга.

– Эди, Эди! – Кричит в слезах Эва, – Прекрати, тебе нельзя, ты не можешь...

Она пытается дотронуться до бубна, но тот всё время ускользает от неё в своем непредсказуемом движении. Со стороны кажется, что шаман и девочка вместе исполняют какой-то замысловатый ритуальный танец, и чем дольше они танцуют, тем четче и жестче становится ритм бубна, тем шире размах их движений, тем слаженнее их танец.

Сама не замечая того, Эва втягивается в ритм бубна, она уже плохо контролирует себя, но всё еще истерично пытается остановить Эди в его бешеном танце. Девочка всё время пытается наступать на него, прижать ближе к костру, но он уворачивается от неё и постепенно расширяет круг вокруг огня.

– Эди, Эди, хватит! – уже с надрывом кричит она, но это звучит как-то неубедительно, как будто и сама она не же-

лает останавливать это действо. Ей уже кажется, что это не Эди, а она бьет в этот старый бубен заставляя его издавать такой чистый и глубокий звук, не Эди, а она извлекает этот магический ритм, от которого ноги не чувствуют земли и так сильно раскачиваются деревья. Еще немного усилия, чуточку терпения, и она завладеет всеми тайнами мира, которые способны открыть этот издававший виды инструмент, надо только добавить жесткости звучания и лучше держать ритм, и тогда у неё всё получится.

В какой-то момент ей удастся прикоснуться к бубну, вернее, инструмент с силой бьет её и роняет на землю, падая прямо на неё. Откинув его от себя, она видит над собой огромного оленя, стоящего на задних ногах. Туловище и передние копыта оленя нависают прямо над Эвой. Она пытается увернуться, отползти из-под этого неведь откуда появившегося чудища, но судорожные, поспешные движения не дают никакого результата. Она пытается кричать, но голос не подчиняется ей. В следующее мгновение олень разворачивается, его передние копыта ударяют о землю, едва не задев девочку и, сделав несколько сильных прыжков, пропадает в надвигающейся сплошной пелене. Эва пытается подняться, но мощнейший порыв ветра сбивает её с ног и холодный, ливневый дождь окатывает её с ног до головы. Она делает несколько попыток встать, но тут же падает в огромную грязную лужу, что секунду назад была сухой, поросшей травой землей. Наконец ей удается встать.

На опушке леса, освещенной яркими лучами утреннего солнца, посреди огромной лужи стояла чумахая, в грязном платье, промокшая до ниточки девочка тринадцати лет. Она оглядывала всё вокруг себя ошалелыми глазами и издавала

странные звуки: то ли выла, то ли плакала. Прямо над ней, в зените, красовалась огромная яркая радуга в пятнадцать цветов. Не было ни Эди, ни бубна, ни костра. Ничего не напоминало о том, что было здесь минуту назад. Даже головешки от костра унесло ураганным ветром. Была полная, то есть абсолютная, оглушительная тишина: не шумела листва на деревьях и птицы не пели свои утренние трели. Эва не понимала происходящего, единственное чувство, что осталось у неё в тот момент, было чувство холода. Вся сжавшись, она обхватила себя руками пытаясь согреться. Наконец, она догадалась выйти из лужи и босиком медленно побрела, не соображая куда идет. Пройдя метров сто пятьдесят – двести она вдруг заметила, что дорога, по которой она идет совершенно сухая, воздух не так холоден, а вокруг стоит оглушительное щебетание птиц. На обочине дороги, прижатый к кустарнику, лежал большой, старый бубен.

Вид бубна вернул ей сознание, а вместе с ним и вторую волну истерии.

– Эди, Эди, – забормотала она быстро, – где он сейчас, он же превратился в оленя. И что теперь..., и что мне делать, идти домой..., идти к родителям Эди? И что... что им говорить?

Ситуация и вправду была неординарная. Представьте себе: к вам в пять утра стучится в дверь чумазая, в грязной одежде, босая девочка подросток и заявляет, что только что ваш сын превратился в оленя и убежал в лес. Что она услышит в ответ? Правильно. Наш сын, как и подобает любому благополучному ребенку, спит в постели, а девочка, очевидно, переиграла в какую-то компьютерную игру-страшилку. Вариант идти домой так же был не лучшим, так что Эва бре-

ла без цели, так и не решив, что делать. Единственное что было определенным – это желание как можно скорее согреться. С этой точки зрения дом Эди был ближе к опушке леса, он находился в стороне от поселка.

Эди никогда не заходил в свой чулан через дверь, который всегда был заперт изнутри. Он залезал туда через заднее окошко и научил этому свою подругу. Он умел делать это настолько тихо, что родители зачастую и не знали, дома их сын или нет. Подойдя к его дому, Эва тихо пробралась в чулан, стянула с себя мокрое платье и нырнула под одеяло. Она дрожала несколько минут от холода, потом отогрелась и начала засыпать.

Голоса взрослых разбудили её. Это родители Эди встали и собирались на работу. Дверь в дом была открыта, и она отчетливо слышала каждый шорох и разговор.

– Давай поднимем его и спросим, где он пропадал эти два дня, – сказал отец.

Эва вся съежилась и спрятала голову под одеяло.

– У ребенка каникулы, пусть отсыпается, – ответила мама.

– А он вообще здесь? – не унимался отец, – может опять куда ушёл. Ребенок говоришь, а ты знаешь, что он уже рецепты пороха изучает.

– Конечно здесь, – отвечала мать, – он в пятом часу уходил куда-то и вернулся в районе полшестого. А у тебя тогда почему ничего не получилось с порохом? Ты же так хвастался, все ребята знали, что ты рецептом пороха владеешь.

– Я одумался, остепенился.

– А может у тебя просто терпенья не хватило? А у Эди обязательно получится, у него усидчивости хватит!

– А откуда ты знаешь, что он уходил и вернулся? – сменил тему отец.

– Я чутко сплю и не храплю, как некоторые, – рассмеялась мама.

Они вышли из дома и заперли наружную дверь.

– Завтрак на столе, – крикнула мама, рассчитывая, что сын услышит её.

Эва окончательно проснулась и села в кровати. Рядом на полу валялось её грязное мокрое платье. Она надела рубашку Эди, потом отыскала его старые брезентовые брюки. Всё было ей немного великовато, но в целом – годилось, особенно в данной ситуации.

«Чертовщина какая-то, – думала она, – так не бывает, это только папа рассказывал мне в детстве такую сказку. Как может человек превратиться в оленя...?»

– Жил был шаман. Отчаянным и храбрым человеком он был, – вспомнила она ту самую сказку, которую рассказывал ей в детстве отец вечерами, – и пошёл он однажды камлать, отбивая на бубне свои ритмы, а злые духи превратили его в оленя. И поскакал тогда он по полям, а за ними волки тут как тут. Бегут они за оленем, вот-вот догонят, вот-вот догонят... Хорошо, что проходил мимо охотник, друг шамана. Он-то и сообразил по повадкам животного, что не олень это скачет, а шаман. И крикнул он имя его секретное, которое тот ему единственному доверил и превратился олень снова в человека, шамана, друга охотника...

«Секретное имя..., – осенило её, – но он же не шаман, его же в шаманы не посвящали, да и будь оно, это имя, Эди так спрячет, так скроет, что никто и не найдет, никто не узнает». На всякий случай она заглянула под матрас. Ника-

ких записок с именем там, конечно же, не было. Эва растерянно осмотрелась. Взгляд её остановился на стене, где висел лук. Она обратила внимание, что тетива лука была не белая, как у всех ребят, а цвета сухой травы и оригинального плетения. Она вспомнила, как хвалил Эди свой лук и особенно тетиву. Он специально ходил добывать эту нить куда-то в горы.

– На южном склоне горы, там, где земля особенно камениста и много солнца, растет вьюн-трава. Каждую весну прорастают её молодые побеги и вытягиваются, обвивая прошлогодние сухие стебли. С годами образуется целая прядь вьющихся высохших обветренных стеблей, которая так прочна, что охотники делают из неё тетиву для лука. И только у самой вершины горы можно встретить отдельные экземпляры этой травы, которые обладают особой, могущественной силой. Говорят, если сделать тетиву из них, первые три выстрела из этого лука годятся для возвращения шаманов, которые превратились в зверя или птицу. Говорят, помощники шаманов всегда носят эту тетиву с собой, не натягивая её на лук. Ведь сделать выстрел в оборотня надо непременно до заката солнца, иначе не вернешь шамана обратно...

«Неужто это правда, – озадачилась Эва, – Эди знал, где, на какой горе растет эта трава, он был там. А рассказывал нам, как легенду...»

Эва тут же засобиралась в путь. Она зашла в дом, съела завтрак, взяла полбуханки хлеба и набрала в бутылку воды. Затем зашла в чулан, постирала и повесила сушиться свое платье. Взяла рюкзак. В нём уже было всё для похода: веревка, нож, топор, бинт, какая-то небольшая бутылочка с эти-

кеткой «Спирт этиловый. Антисептическое средство». Туда же она положила хлеб и воду. В кармане рюкзака были спички, завернутые в герметичный пакет, а также карта, компас и блокнот с дорожными записями. «Зачем, – подумала Эва, беря в руки карту, – в смартфоне же всё есть». Но вспомнила, что телефона-то у неё с собой нет. Сложив всё в рюкзак, она одела штормовку, взяла лук и колчан из грубой кожи со стрелами. Сложнее всего оказалось с обувью. Свои туфли она потеряла на опушке леса, а обувь Эди оказалась слишком велика. Пошарив по чулану, она нашла какие-то старые ботинки, которые были ей почти впору и надела их с толстыми носками. Она закрыла чулан изнутри и вышла, как и полагается, в окно. Солнце поднялось уже высоко, и было достаточно тепло.

Стараясь быть незамеченной, Эва пошла в сторону леса. На опушке она достала компас, разложила карту и попыталась определить, где какие горы. Тут она поняла, что не очень-то и разбирается в картах. В смартфоне – это совсем другое, а здесь лист большой, записи мелкие, знаки непонятные. Она с трудом нашла свой поселок. На этом месте стояла галочка. На карте карандашом были нанесены точки и цифры. Эва взяла блокнот и открыла список. Против каждого номера перечислялись места и были какие-то записи, последняя из которых значилась как «Покинутая деревня». Значит, она была права, он ходил в Покинутую деревню и это был настоящий бубен шамана.

«Туда же нельзя ходить, опасно», – возмутилась она.

Но несмотря ни на что она всё же завидовала ему. «Интересно, – подумала она, – он говорил, что только через тридцать лет можно будет подходить к Покинутой деревне.

Мне тогда уже будет больше сорока лет, я буду такая старая, что мне это будет не интересно. Но он-то сходил сейчас, видел эту деревню, мог бы и меня позвать...»

История их родного посёлка, а особенно его название всегда будоражили всех без исключения односельчан. Одни говорили, что название «Пересёлы» берет начало со времен переселения в эти края народа из более обжитых мест. Другие утверждали, что у поселка есть и другое название, но они не могли сказать его. Третьи говорили, что все они переселились из одного места, но не знали, откуда, когда и зачем. И эти противоречивые сведения, и уверенность каждого в своей правоте приводили к ожесточенным спорам между селянами и даже к потасовкам.

Только одно объединяло всех спорящих между собой сельчан: через тридцать лет поселок будет переименован. Возможно, откроется правда об истории посёлка и его названия, но никто не знал, кто и как это сделает. Да это, по-видимому, было и не важно.

Эди же утверждал, что все они жители другой деревни, которую были вынуждены покинуть семьдесят лет назад после того, как боги предали, а люди проклинали местного шамана, который погиб, пытаясь спасти их от голодной смерти. Он утверждал, что Покинутая деревня совершенно такая же, как их поселок, только в центре, на месте пустыря стоит дом того самого шамана. Слушая его рассказы, создавалось впечатление, что Эди был там. Он говорил о холме рядом с деревней, мелкой речушке, которая пересыхала летом, о лесе, полном зверья, а особенно белок. Он говорил, что знает название той деревни, но не имеет права называть его.

– Его вообще нельзя никому произносить! – Переходил он на крик, горячась, когда его припирали с этим вопросом к стенке.

На вопрос же откуда он знает название, если нельзя произносить, он отвечал, что его прабабушка написала записку перед смертью, но строго-настрого запретила произносить вслух написанное до определенного времени. Аргумент с прабабушкой всегда выводил Эди в победители при любом споре.

Прабабушка Эди прожила почти сто лет и умерла всего год назад. Эди называл её прабабушкой, но была ли она ему прабабушкой или прапрабабушкой, а может и прапрапрабабушкой никто не знал. Несмотря на преклонный возраст, она имела отличную память и была прекрасным рассказчиком. Эди знал сотни прабабушкиных историй. Она никогда не ходила в поселок, но знала всех его жителей, и кто в каком доме живёт. Она часто путала жителей посёлка, называя их именами дедов и бабушек. На замечания по этому поводу она извинялась, но уже через минуту снова называла собеседника именем предка. За её столь долгую жизнь и отшельничество старушки за глаза называли её ведьмой, доживающей жизнь своего покойного мужа, хотя никто уже и не помнил его.

Покопавшись далее в блокноте, Эва нашла запись «Вьюн-трава». Но найти этот номер на карте оказалось совсем непросто. Слабая, потерянная точка находилась достаточно далеко на север от поселка.

Северные леса всегда считались более густыми, дикими и полными разного зверья. Они тянулись на сотни километров далеко к горам, где не встретишь человеческого жи-

ля. Грибники и ягодники побаивались ходить туда, и только опытные охотники проводили там свой промысловый сезон, принося разную крупную добычу.

– Да туда добираться полдня! – расстроилась Эва, пытаясь понять, как это сделать.

Лес пугал её. Поэтому она пошла по опушке вдоль берега реки и дошла до просеки, которая была направлена в сторону гор. Далеко впереди она увидела высокого стройного оленя с ветвистыми рогами, который стоял, в пол-оборота к ней, как будто поджидая. Однако, увидев её, рогастый побежал вдоль просеки и скрылся с глаз. Разложив карту, Эва нашла это место и поняла, что на карте просека обозначена пунктирной линией и ведет в сторону холмов, за которыми и находится та самая гора. Ей предстояло ступить на полную опасностей тропу.

Часть вторая

Это случилось около семидесяти лет назад. Уже мало кто знает об этом, да и свидетелей остались единицы.

Погодные аномалии начались еще с осени, а продолжение их было очень драматичным. Небывалые осенние морозы предвещали длинную, холодную зиму и затяжную весну. Но вместо этого пришла бесснежная зима и необычно ранняя и теплая весна. Стояла сухая жаркая погода. Молодые побеги листьев начали вянуть, так и не успев распуститься в полную силу. Вместо зеленеющего леса стояли деревья с пожухлыми листьями грязно-желтого цвета, а трава на лугах выгорела и посерела от пыли. Так продолжалось около двух месяцев. Небольшая речка возле деревни полностью пересохла, а в колодцах, что находились на возвышенностях, начались проблемы с водой. Дикие звери стали выходить из

леса в поисках воды. На окраинах деревни люди установили корыта, в которых всегда была свежая вода. Разное зверье подходило туда напиться, не боялись они ни человека, ни друг друга. Бывало, встретятся олень и волк у корыта, так серый разбойник, поджав хвост, стоит и ждет, когда олень напьется. А птицы, те вообще лезли без очереди, не боясь и не признавая иерархии.

Селяне начали роптать, заговорили о проклятии богов, которым не угодили. Прорицатели предрекали верную смерть от голода и жажды. Особо отчаянные предлагали бежать из этих проклятых мест, но не знали куда. С каждым днем нервозность в деревне нарастала.

И только старый деревенский шаман с молодым помощником отправлялись каждое утро на высокий холм и своими изнурительно продолжительными танцами просили богов о снисхождении и милосердии. Иногда они добивались желаемого: где-то у горизонта набегали черные тучи, сверкала молния, но дальше этого не шло. Изможденные в своем противоборстве с природой, спускались они каждый вечер с холма, чтобы завтра начать всё сначала. Злые языки стали поговаривать, что не тот стал шаман, раз не может заставить дождь пролиться на деревню.

Однажды помощник шамана спустился с холма один. Он объявил, что шаман слег после танцев и его надо принести в деревню. Небольшая группа мужчин поднялась на холм за шаманом и застала его почти бездыханным. Когда его положили на носилки, он с большим усилием поднял указательный палец. Помощник наклонился к нему. «Ты теперь шаман, – с трудом произнес он, – твое тайное имя, –

он подождал, когда все отойдут от них, и шепнул: – Ка..., – но, не успев закончить слово, забился в конвульсиях и замер.

Дурнее знака не было. Шаман без тайного имени не шаман. Он не может попасть в мир богов и просить их о милости. Он не может быть вызван обратно из небытия, если случайно уйдет туда во время танца. И, наконец, ему нечего сообщить своему помощнику, в задачу которого входит помнить эту тайну и использовать её только в крайнем случае. Завтра с восходом солнца он должен будет выбрать себе помощника и раскрыть ему тайну или передать право шаманства другому.

На следующее утро жители деревни проснулись от звуков бубна. Солнце еще не взошло, и вершина холма ярко освещалась огромным костром. Все обратили внимание, что звучание бубна стало ритмичнее, быстрее и воинственнее, чем вчера.

– Какой энергичный и сильный наш новый шаман, – отметили оптимисты.

– Не довёл бы до лиха, – язвили злые языки.

– Что-то изменится, – предрекли прорицатели.

Бубен звучал весь день с небольшими перерывами. Вокруг деревни на небе стали стягиваться тучи, иногда сверкала молния и были слышны раскаты грома. Но дождя не было. Наступило время заката, а бубен не умолкал. В вечерней тишине он звучал громче и более напористо.

– Откуда у него столько сил, – удивлялись люди.

Ночь не остановила шамана. После короткой паузы, чтобы подбросить поленьев в костёр, он продолжал свой танец всю ночь. Небо озаряли всполохи молний, гремел гром, а утром прямо перед восходом солнца на деревню хлынул

ливень. Люди выбегали из своих домов, радуясь дождю, они вставали лицом к ветру так, чтобы вода хлестала им в лицо. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то бегал, как ошалелый, благословляя живительную влагу.

Но вдруг люди ощутили на губах вкус соли, и стало понятно, что льет не простой, а соленый дождь. Радость сменялась страхом. А когда с неба стали падать рыбы, все разбежались по своим домам.

Ливень прекратился так же внезапно, как начался. В установившейся тишине уже не было слышно звуков бубна, но никто не обратил на это внимания.

Следующий порыв ветра принес еще более страшную напасть: небо окрасилось в кровавый цвет, и из него полил дождь красного цвета. По оконным стеклам текла кровавая вода. Дома, дороги, крестьянская утварь – всё окрасилось в красный цвет. Людей охватил панический страх. Они боялись выйти из домов, даже когда побелел цвет дождя, и даже когда он совсем прекратился.

Только к обеду осмелился выйти из дома старейший человек деревни. Свое решение он объяснил тем, что жизнь его уже прожита и ему не страшно умирать. Увидев его, люди стали боязливо выходить из своих домов и собираться в центре деревни на сход. Пришли все, кроме шамана и его жены. В толпе стоял испуганный ропот, страх сковал всех. Никто не разговаривал громко, никто не знал, что делать.

Через полчаса не выдержал самый слабонервный.

– Родные, родные, – завопил он истошно, своим дрожащим голосом, – надо уходить из этих проклятых мест, иначе мы все здесь погибнем! Этот шаман-самоучка погубит

нас всех. Надо бросить его здесь и уходить, уходить куда глаза глядят.

Все оглянулись в ту сторону, где жил шаман.

– Я сам схожу к нему, – сказал староста деревни и пошёл к дому шамана.

Окна дома были плотно зашторены. Красивая, стройная брюнетка лет тридцати сидела посреди затемненной комнаты на скамейке. По обе стороны от неё сидели двое маленьких детей. Она обнимала их, словно пыталась защитить от чего-то страшного, неизвестного. В её карих глазах читались страх и бесстрашие одновременно. Как загнанный в угол зверь, она и боялась, и была готова дать отпор любому, кто посягнет на её семью. Стук в ворота заставил её вздрогнуть и напрячься, но она не пошевелилась. Стук повторился в окно, затем она услышала голос старосты. Она подошла к окну и слегка отодвинула занавеску.

– Где Иде? – Спросил староста.

– Он еще не вернулся с холма, – ответила жена шамана, – надо бы сходить к нему, может, что случилось.

– Хорошо, – ответил староста, – только прошу тебя: не выходи сегодня из дома.

На вершине холма ожидала страшная картина. Костёр был разбросан на десяток метров, земля в этом месте была выжжена. В обугленных останках было трудно узнать тело шамана. Он лежал в центре выжженного круга, держа в руке колотушку. Не каждый осмелился подойти и взглянуть на него. Было решено захоронить его тут же, в центре этого черного круга.

Когда спустились с холма в деревню, староста пошёл к дому шамана. Его жена приоткрыла занавеску.

– Молния, – коротко бросил староста и отвёл взгляд.
– Принесли? – Спросила вдова шамана.
– Нет, – ответил староста, – он сильно обгорел. На месте костра и похоронили.

Вдова шамана взвыла и, подбежав к детям, обняла их. Дети испуганно смотрели на маму, не понимая, что случилось.

– Как собаку, как собаку! – Выла вдова шамана. – Ни проводов, ни прощания, ни обрядов... За что? За то, что хотел спасти их, за то, что работал не покладая рук... И за всё это – изгой, изгой, которого похоронили, как собаку, как собаку, там же, где умер, ...

Сход стоял в центре деревни вот уже около пяти часов. Вернувшийся назад староста рассказал, что случилось с шаманом.

– Я же сказал, мы все умрем! – Опять завопил самый слабонервный. – Надо уходить отсюда и бросить его жену с детьми тут, пусть умирают.

Всем было очевидно, что данное место проклято. Многие знали, что в этом случае надо менять место жительства, уйдя отсюда на расстояние не меньше одного дневного перехода. Целое столетие будет действовать проклятье. Пока оно есть, никому нельзя приходить сюда. Нельзя произносить вслух название этого места. Теперь деревня со звучным названием превратилась просто в Покинутую деревню.

– Завтра с утра двигаемся в путь, – сказал староста, – берем всю домашнюю утварь, а со двора можно брать только то, что не было окроплено кровавым дождем.

В эту ночь никто не спал. Все собирали и укладывали вещи в дорогу. Деревня копошилась как муравейник. Кое у кого во дворе горели костры.

В полночь, когда уже почти стемнело, со стороны холма донеслись удары бубна. Все замерли от страха. Казалось, шаман воскрес из мертвых, чтобы продолжить свою борьбу с природой и нести деревне новые беды.

Но странный ритм отбивал в эту ночь его бубен. Редкие, словно задумчивые удары, которые, казалось, пытались передать что-то самое важное, сокровенное и недосказанное, которые прерывались и путались, будто боялись остаться непонятыми и незавершёнными.

Держа бубен высоко над головой, вдова шамана отбивала какой-то странный, понятный только ей ритм. Губы её дрожали, плечи подергивались, время от времени она издавала какие-то гортанные звуки, напоминающие то ли плач, то ли пение. Она кружила вокруг костра, под которым покоился её муж, и мысленно просила богов принять его в тот мир, которого он достоин.

Закончив танец, она затушила костёр и, завернув бубен в холщовую ткань, пошла домой. Она спускалась с холма с каменным лицом, не издавая ни звука, и только плечи её подергивались, иногда она останавливалась, как будто вспоминала, всё ли сделала, чтобы проводы мужа были достойны его. Придя домой, она сняла с гвоздя на стене меховой жилет и ремень мужа, и положила их в ту же холщовую ткань, что и бубен. Это был старый лисий жилет, покойный очень любил его и дорожил. Он достался ему еще от деда. Вдова понимала, что не сможет взять с собой ничего, что принадлежало её мужу, ей просто не дадут это сделать. Она подня-

лась на чердак и уложила всё это в старый сундук со всяким хламом.

На следующий день после изнурительного перехода староста стал делить земельные участки для селян. Он шёл с длинной веревкой, которой отмерял ширину участка и вбивал колья. Семья сразу относила туда свои вещи. Очередность домов сохранялась, как и в Покинутой деревне. И только когда был наделен участок шамана, соседи отказались пускать туда вдову. Староста переговорил с ней, и она сказала, что сама хочет поселиться в стороне от деревни, на опушке леса.

К концу лета на берегу реки выросла деревня, которую жители называли Пересёлы.

Продолжение первой части

Просека была достаточно широкая, по бокам она обросла кустарником и молодыми деревьями. По ней проходила грунтовая дорога, где могла проехать только одна машина, но и эта дорога заросла травой. Эва осторожно пошла по ней.

Здесь она в полную силу ощутила жизнь дикого леса. Где-то щебетала неведомая птица, где-то, шурша травой, пробежал невидимый зверек, где-то со скрипом качнулась ветка какого-то дерева. Всё это держало Эву в напряженном ожидании. Всюду мерещились готовые вот-вот напасть на неё дикие звери. Держа наизготовку лук со стрелой, она то и дело дергалась в сторону очередного звука и облегченно вздыхала, увидев, что никакой угрозы нет. В конце концов, поняв, что дальше идти в таком напряжении она не сможет, девочка решила набраться храбрости, и это у неё даже получалось некоторое время, пока очередной резкий звук не за-

гонял её в боевую стойку лучника. Через полчаса её бдительность всё же притупилась, и она действительно немного успокоилась и шла уже в хорошем темпе.

Постепенно лес начали заполнять всё более высокие деревья, просека сузилась, и она шла в сплошной тени деревьев. Приближался полдень, а здесь было не только не жарко, но веяло прохладой. Она уже достаточно устала, однако неприятное ощущение одиночества гнало её вперед. Несколько раз она видела оленя, который завидев её, тут же ускорял ход и исчезал из виду.

Вдруг резко застрекотала сорока. Тут же её подхватили другие сородичи и уже весь лес наполнился суетливой трескотней. Эва сразу же сбегала с дороги и спряталась за высокое дерево. Она взяла наизготовку лук и стрелу. Сорочий треск приблизился к ней, впереди на дороге раздался топот убегающего животного, потом затрещали кустарники, и какой-то крупный зверь перебежал просеку, и исчез на противоположной стороне, сопровождаемый сорочьим стрекотом уже по другую сторону просеки. Эва вся затихла и съежилась.

«Что это было», – пыталась сообразить она и как-то взять себя в руки. Скованная страхом, она была в полной растерянности. Опасность ситуации была очевидна, и надо было что-то решать. Но что ей делать? Идти обратно домой? Но и там она может встретить зверя. Да и что тогда будет с Эди? Кто его спасёт? Дорога вперед была, определенно, короче, и там она надеялась встретиться с Эди, а с ним, ей казалось, будет спокойнее идти обратно.

Тем временем сороки трещали уже далеко, стало понятно, что опасность миновала, но Эва не могла набраться

смелости и выйти на дорогу. Какое-то время она осторожно шла по кромке леса.

Через несколько часов лес постепенно начал редеть, разбился на отдельные рощицы, впереди показались холмы. Усталость брала свое. Хотелось присесть и отдохнуть.

Остановившись ненадолго, она достала и развернула карту. Гора находилась прямо за холмом. Лезть на такой крутой холм не имело смысла, потеряешь много сил и времени. Надо было его обходить. Эва решила оглядеться и выбрать правильное направление движения. Оглянувшись, она снова увидела оленя. Он стоял метрах в двухстах справа от неё.

«Да что же это такое! – Возмутилась Эва. – Этот олень снова здесь».

Поняв, что девочка увидела его, животное медленно стало удаляться.

«Это же Эди! – мелькнуло в голове Эвы. – Он весь день показывал мне дорогу, всё время присматривал за мной. Мог бы сразу подойти, чего же он не подходит?»

Она сложила карту и пошла за оленем. Девочка то и дело ускоряла ход, пытаясь догнать оленя, он же не подпускал её к себе ближе, чем на пятьдесят метров.

-Эди, Эди, постой, подожди, я устала! – кричала она, но олень как будто не понимал человеческой речи. Он шёл ровным ходом в обход холма, то поднимаясь выше, то опускаясь к подножию. Вскоре слева появилась гора, которая оказалась не больше предыдущего холма, но имела более крутые каменистые склоны, и на ней росло меньше деревьев.

Наконец рогастый остановился около небольшого куста и встал, повернувшись головой к горе. Эва ускорила шаг,

чтобы догнать его. В тот момент, когда осталось не более десяти метров, олень стал медленно пятиться назад. Девочка дошла до того же куста, где только что находилось животное, которое смотрело в сторону вершины горы. Это был крутой южный склон, усыпанный камнями. Она попыталась подойти к оленю, но он опустил голову, выставив вперед огромные рога, застучал передними копытами по земле. Эва поняла, что подходить к нему не стоит.

– Ну, я пошла, – сказала она несколько разочарованно и повернулась в сторону вершины.

На склоне всюду были валуны и камни. Приходилось постоянно обходить их. Она то и дело спотыкалась, иногда приходилось пробираться между валунами, иногда даже ползти по крутому склону. Не будь на ней этих брезентовых брюк и куртки, она бы ободрала себе колени и руки об острые камни и кусты.

Уже ближе к вершине ей стало попадаться странное выющееся растение. Оно вилось на собственном прошлогоднем сухостое. Этих старых стеблей было несколько, одна старше другой, отчего казалось, будто эта трава имеет зеленый стебель с выющимися вокруг него разного тона шнурами. Она попробовала сорвать один куст, это оказалось не так-то просто, стебель тянулся на несколько метров и, потянув за него она, дошла до корня, но так и не смогла вырвать его.

«Действительно прочная бечевка, – подумала она, – надо будет отрезать ножом».

Когда она добралась, наконец, до вершины, солнце уже клонилось к закату. Усталость валила с ног, но нельзя было

терять ни минуты. Она сняла рюкзак, достала нож и пошла искать нужный куст травы.

Сильно разросшийся выюн у самого большого валуна показался ей особенно подходящим. Отрезав несколько стеблей вместе с сухостоем, девочка вдруг поняла, что не умеет плести тетиву. Она этого не делала ни разу и никогда об этом не задумывалась. Единственное, что она помнила – это как однажды Эди плел веревку из лыка.

– Смотри, смотри, как надо это делать, – говорил он, – учись, пока я живой. Сначала надо растрепать лыко, протянуть несколько раз вокруг какой-нибудь палки, потом, когда оно станет мягче, надо разделить на три равные части, закрутить каждую и сплести их вместе. И у тебя будет настоящая веревка тройного плетения. Только учти, всё плетется в одну сторону, а не как ваши косы встречно...

«Мальчишка... – думала она тогда, – кто же сейчас плетет веревку из лыка. Сходил бы в магазин и купил в сто раз лучше и прочнее...»

Эва взяла в руки лук и осмотрела тетиву. Тетива была тройного плетения!

«Интересно, а знает ли он какое-нибудь другое плетение, надо будет спросить. А то хвастался, как настоящий знаток».

Работа закипела. Эва достаточно быстро размяла каждый стебель. При этом она заметила, что со старых стеблей осыпается твердая кожура, а свежий стебель дает сок и вминается в сухие волокна. Скрутив каждый стебель, она приступила к плетению, что тоже оказалось нетрудным делом. «И чего он так хвастался, – думала она, – делов-то».

Предстояло самое сложное – натянуть тетиву на лук. Эва видела, как ребята делали это вдвоем, но здесь приходилось рассчитывать только на себя, и она быстро сообразила, что может сначала натянуть новую веревку, потом срезать старую. Подергав тетиву и запомнив её звук, она натянула новую и так же подёргала её. Лук издавал сильный свистящий звук. «Только бы не ошибиться», – подумала она.

Можно было спускаться к подножию горы. Это оказалось намного труднее подъёма. Склон тянул её вниз, она прилагала все силы, чтобы не побежать. Девочка упала несколько раз, пока не поняла, что надо спускаться боком. В некоторых особо крутых местах она пятилась назад, держась за кусты и валуны.

Уже у самого подножья Эва увидела оленя, стоящего метрах в пятнадцати от большого валуна. Она тут же наклонилась и, как заправский охотник, по крайней мере ей так казалось, спряталась за валун. Потом достала лук, положила на него стрелу и, привстав, чтобы оказаться выше валуна, стала целиться в оленя. Бронзовый наконечник предательски сверкнул на закатном солнце, и рогастый сразу заметил его.

– Мальчишка! – Негодовала она, – Не мог покрасить наконечник в черный цвет, его же все видят.

Но олень не побежал. Развернувшись в сторону валуна, он пристально смотрел на наконечник.

Эва была хорошим учеником стрелка, чего не скажешь об Эди как об учителе. Каждый её неудачный выстрел он бурно переживал, пытался объяснить, что не так, но результата это не давало. После двух-трех уроков она была уже готова опустить руки, но догадалась спросить отца, как целить-

ся и стрелять из лука. Отец, конечно, был несколько удивлен, но тут же согласился и, покопавшись в гараже, достал какой-то старый лук.

– Что, не настрелялся в детстве? – засмеялась, увидев его, мама. – Сейчас ещё начни дочь учить, как меня когда-то.

Одного отцовского урока, в котором он разъяснил ей каждое движение при стрельбе, хватило, чтобы привести Эди в восторг. С этого момента она стала «лучшим лучником среди девочек», хотя стреляла даже лучше некоторых ребят.

Эва направила стрелу вперед, взглянула на наконечник и перевела взгляд на оленя. Они пристально смотрели друг на друга. Олень с каким-то напряженным ожиданием, готовый сорваться с места в каждую секунду, и она, девочка тринадцати лет, взявшая в руки лук и стрелу, но никогда не стрелявшая ни в кого живого. Попеременно переводя взгляд с наконечника стрелы на оленя, Эва встретила с ним взглядом. Смятение и ужас охватили её всецело. С той стороны наконечника стрелы на неё смотрел Эди! Она увидела его до боли знакомые карие глаза, которые в томительном ожидании, как будто говорили ей: «Ну, давай же, давай! Ты что, как девчонка, долго ещё будешь целиться, пали уже, слабак, пали!» Она никогда не выстрелит в Эди! Никогда! Тело её оцепенело в напряжении, она уже не переводила взгляд на наконечник стрелы и цель, а смотрела оленю в глаза, не в состоянии что-либо сделать.

– Давай же, давай! – командовал серьезный и требовательный взгляд Эди. – Не трусь, стреляй!

И Эва не выдержала напряжения ситуации. Пальцы правой руки самопроизвольно отпустили стрелу. Тетива из-

дала пронзительный звук, и стрела со свистом полетела в цель. Олень дернулся вправо. Увидев это, охотница рухнула на колени, закрыла лицо руками и заплакала в голос, навзрыд.

– Я не смогла, не смогла! – Всхлипывала она, – Он же смотрел на меня, он же просил, а я не смогла! И теперь олень убежал, убежал, где я теперь найду его и как я в него выстрелю?! Ну, зачем он, зачем затеял эти дурацкие танцы, теперь вот будет бегать по полям, пока кто-нибудь не подстрелит его насмерть!

– Ну, хватит уже плакать, девчонка! – Повелительный голос шел откуда-то сверху. – Всё же получилось, ты молодец. В оленя не каждый взрослый выстрелить может, а ты смогла.

Эва подняла вверх глаза. На валуне стоял Эди.

– Эди, Эди! – обрадовалась она. – Я попала, попала, а почему ты побежал, когда я выстрелила?!

Эди прыгнул с валуна, и она, порывисто вскочив, подбежала и обняла его. Она знала, что он не любит эти «телячьи нежности», но он не стал уклоняться и даже как-то неумело приобнял её.

– Что я, свои стрелы не знаю! – Воскликнул он. – Ты же мне череп могла раскроить. Зачем ты в голову целилась? Тут вон в плечо... и то чуть инвалидом не сделала.

Эва подняла голову и увидела окровавленное плечо Эди.

– Сейчас, сейчас, – заторопилась она, – сейчас я забинтую тебе рану.

Она полезла в рюкзак и достала бинт.

– Спирт возьми, рану промыть надо, – наставлял он.

- Спирт? Зачем? А разве это не костёр разводить?
- Да костёр я в любую погоду разведу с одной спички,
- снисходительно улыбнулся он, – тут много ума не надо.

Она смочила бинт в спирте и приложила к ране. Эди вскрикнул и от внезапной боли присел на землю. Лицо его изображало муку.

- Что, больно? – засуетилась Эва.
- Нет, – отвечал он, преодолевая себя, – просто жжет немного.
- Надо было другой антисептик использовать.
- Другой – это порох, а у меня его еще нет.
- А перекись водорода не пробовал? Он без боли и кровь останавливает мгновенно.
- А что это? Где её взять?
- В аптеке. Это современное средство, в старину его не применяли.

Она перебинтовала рану и достала из рюкзака хлеб и воду. Молча перекусив, они стали собираться в дорогу.

- Кстати, косолапого того видела? – спросил Эди, надевая рюкзак себе за плечи. Было видно, что делает он это с трудом, свежая рана давала знать о себе.
- Какого? – недоуменно спросила Эва.
- Того, что через дорогу перебежал. Хорошо сороки предупредили, а то я заждался тебя.

Эва снова пережила тот страх, который испытала прежде. Теперь она вполне осознала, какому риску они подвергались.

- Давай в путь, нам надо добраться до дома хотя бы к трем ночи...

– А знаешь, – задумчиво сказал Эди, когда они прошли немного по склону холма, – когда я закончу школу и вырасту, я построю дом в середине поселка, на пустыре, и мы будем там жить вместе.

От неожиданности Эва даже хихикнула, но тут же удержала себя. «Что это было, – недоуменно подумала она, – предложение выйти замуж или что?»

– Мальчишка, – со вздохом произнесла она, но тут же осеклась.

К своему удивлению, она не смогла произнести это слово как прежде с презрением или осуждением, а скорее, получилось это как-то нежно и ласково. Да и он, бесившийся всегда при этом слове, воспринял его молча, только крепче сжал её руку, словно отвечал: «Да, мальчишка, но с этим ничего не поделаешь...»

Анастасия Андреевна Селькова

ДЕТИ ПЕГОЙ ОРДЫ

Громкий скрежет ключа в замке и Света дома. «Боже, как я устала! Суматошный был день», подумала она. На работе на неё свалился миллион задач и у всех сроки выполнения подходили к концу. Деваться некуда – пришлось задержаться в офисе допоздна. Пока остальные с лёгким сердцем выключали компьютеры и стремительной походкой направлялись в ближайший бар за традиционным пятничным весельем и субботним похмельем, Света доделывала отчёт. Её раздражали незавершенные дела, от которых веяло тошнотворным запахом сторевавших дедлайнов. Света работала в крупной IT-компании, была на «ты» с компьютерами и соцсетями, знала несколько языков программирования. Всегда собранная и ответственная, она заслужила уважение начальства и нелюбовь коллег, считавших её скучной педанткой, заикленной на работе.

Секрет трудоголизма был в том, что дома Свету никто не ждал, и спешить было не к кому. Только к старому коту, доставшемуся в наследство от родителей. Как обычно, он встречал хозяйку у порога, пронзительно мяукая и махая хвостом.

– Отстань, Фараон, устала капитально. Не до тебя сейчас.

Плавным движением ноги, Света отодвинула кота, преграждавшего ей путь. На ходу снимая пиджак и потирая шею, напряженную от долгого сидения за компьютером, де-

вушка прошла в гостиную. Кот, поняв, что ласки не дожидаться, уныло поплёлся на кухню – заесть стресс вискасом.

Света заняла своё привычное место на диване. Она погрузилась в плюшевые объятия пледа и устало закрыла глаза. «Лето только началось, а я на энергетическом минимуме уже. Такими темпами до сентября мне не дотянуть. Срочно нужен отпуск», размышляла девушка.

Эта идея о спасительном отдыхе не покидала сознания Светы и на следующий день. Видимо, хитрый искусственный интеллект прочитал её мысли и как специально подкидывал в интернете рекламу про горящие путевки в Турцию и Эмираты. Но Светино внимание привлёк другой призыв: «Отправьтесь в глубь Сибири и познакомьтесь с одним из самых загадочных народов России – селькупам. Вы узнаете, как они живут, научитесь танцевать селькупские танцы, поучаствуете в шаманском обряде и попробуете традиционные блюда селькупской кухни». Далее реклама описывала в красочных подробностях все ожидавшие туриста приключения, встречи и впечатления. Но Света не дочитала до конца. Её воображение само рисовало притягательные картины: тихая звездная ночь, палатка в лесу, запах костра, встреча рассвета на горной вершине, долгие прогулки в лесу под аккомпанемент шепота древесных крон. Света будто перенеслась во времени и вспомнила годы своей учёбы в университете. Тогда, они с группой постоянно ходили в походы. Просто сиделись в электричку, выходили на остановке с каким-нибудь экзотическим названием и углублялись в чащу леса. Неизменными спутниками походов были песни под гитару, еда, приготовленная на костре, сбор шишек и приятная усталость в ногах. Вот где было веселье! Романтика походной жизни

так захватила Свету, что в мозгу созрело решение – ехать в экспедицию на Родину селькупов!

Сказано – сделано. Света взяла отпуск на работе, купила путёвку и с нетерпением стала ждать отправления в далёкий и неизведанный край. Туроператор уверил девушку, что никаких особых приготовлений к поездке не потребуются. На месте ей подберут комфортабельное жильё, назначат гида-экскурсовода, познакомят с местными традициями и обычаями.

Итак, день отъезда. Света проснулась рано, быстро привела себя в порядок, сдала ключи от квартиры подруге, наказав поливать цветы и кормить Фараона.

Налегке, с небольшой дорожной сумкой, Света погрузилась в мини-автобус, который помчал её в отпуск мечты. Слава Богу, других пассажиров не было, и водитель оказался не из разговорчивых, поэтому девушка целиком погрузилась в изучение плана. «Так, привезут меня в село Иванкино, где я и буду всю поездку жить. Как сказал туроператор, оттуда удобнее добираться до остальных посёлков. А их много! Меня будут ждать в Голещихине, Парабеле, Колпашеве, Костарёве...

Провалившись в сладкую дрёму, Света постепенно уснула. Очнуться же её заставила дикая тряска – автобус подпрыгивал в воздухе и каждый прыжок чувствительно отдавался в теле.

– Ой, а почему так трясёт?

– Потому что подъезжаем, с ухмылкой отвечал водитель.

Вид за окном был безрадостный: редкие деревца с пожухлой листвой, чахлые кустики по обочине дороги, пас-

мурное небо. Но постепенно пейзаж менялся. Как оказалось, село компактно поместилось на высоком правом берегу реки Оби. Вокруг возвышался лес с многовековыми кедрами. Они, как бдительные стражи, охраняли вход в лесную глубь, скрывавшую внутри себя целый мир трав, растений, дикой живности, птиц. Другой берег, более пологий и песчаный был усеян рыбаками, с немой азартом ждущих, когда, наконец, клюнет. Дальше виднелись бескрайние сенокосные луга, заходившие за горизонт.

Свету высадили около местного дома культуры. Здесь её должен был встретить гид, чтобы рассказать о маршруте на ближайшие дни и провести до гостиницы.

Несмотря на своё претенциозное название, дом культуры больше походил на сельский клуб – неказистый блочный домишко, с покосившимся крыльцом и узкими окошками. Света не обратила внимания на это отсутствие парадности и с радостно бьющимся сердцем, предвкушавшим разные чудеса, вошла внутрь. Обстановка была более чем скромная, почти аскетичная: посередине комнаты простой деревянный стол, покрытый клеенчатой скатертью. На стенах висели плакаты с радужной агитацией – «Открой Сибирь!». Рядом стояли шкафы с книгами. Внутри никого не было, и Света принялась рассматривать корешки книг. Между ними оказалось много учебников по селькупскому языку и литературы по шаманизму.

– Здравствуйте, а вы, наверное, Светлана? прозвучал приветливый голос у девушки за спиной.

От неожиданности Света вздрогнула и обернулась. В помещение вошла женщина среднего роста, с копной рыжих, уже кое-где поддёрнутых сединой, кудряшек. На ней был

надет простой ситцевый сарафан в крупный горох. Лицо украшали веснушки и смеющиеся глаза.

– Я Ирина Анатольевна – ваш Иванкинский проводник. Буду всё показывать и рассказывать.

– Очень приятно!

– Взаимно. Я смотрю, вас книги заинтересовали. Можете взять, какие понравятся. Они всё равно пылятся здесь, никому дела до них нет. Народ у нас как то не особо читающий.

– Да, обязательно потом возьму несколько. Я просто хотела сначала заселиться в гостиницу, переодеться и сумку разобрать.

– Ох, а гостиницу вам туроператор обещал?

– Да, номер на меня забронирован – одноместный.

– Вот зачем они обманывают! Гостиницы у нас не было никогда. Жить вы будете в деревянном доме. Уж простите, но по-другому никак. Село у нас маленькое, туристы редко приезжают. Поэтому и гостиниц никаких не держим.

– Пустяки! Не переживайте. Мне не принципиально жить именно в гостинице.

– Ну, вот и славно. Тогда пойдёмте. Я вас проведу к дому.

По дороге разговорились. Оказалось, что Ирина Анатольевна на самом деле родом из Санкт-Петербурга, но уже больше 30 лет назад переехала в Иванкино.

– Как же вы решились уехать из такого большого города и поселиться здесь?

– В этой глуши, хотели вы сказать?

– Ну, в сравнении с Петербургом, Иванкино это всё-таки провинция...

– Вот как всё получилось. Я училась в Институте народов Севера, там и накрыла меня любовь к селькупской культуре. Я даже языку выучилась и по окончании института загорелась идеей – собрать материал для издания сборника селькупских песен, народных преданий и сказок. Сами понимаете, что для этого надо было оставить Питер и отправиться сюда. Я тогда была молодая, терять мне нечего было, вот я и рванула в Иванкино. Здесь как раз открыли школу, и я устроилась учительницей русского и литературы. Там и с мужем будущим познакомилась. Он у детей уроки труда вёл. Поженились, родили детей. После этого уж и не думали никуда уезжать.

– А сборник песен и сказок издали?

– Это так и осталось моей мечтой. Когда я приехала в Иванкино, оказалось, что кроме меня на селькупском разговаривать могли только несколько местных старожилов, которые толком мало что помнили из устного фольклора.

– Это так грустно!

– Но такова правда. Сейчас в Иванкине кроме меня, только одна бабуля 90-летняя знает селькупский. Она чистокровная селькупка. Я вас обязательно познакомлю. Она хоть и в возрасте, но очень любит общаться. Ну, вот и домик ваш!

Женщины очутились перед аккуратным деревянным домом, выкрашенным светло-голубой краской, с которой контрастировала красная черепица на крыше. Наличники окошек были хрестоматийно выкрашены синей краской. Низенький забор окружал палисадник, хаотично засаженный левкоями, настурциями и бархатцами.

Внутри пахло опилками и резедой. Дом был поделён на небольшие комнатки. Каждая отделялась от другой пест-

рыми занавесками. На кухне – газовая плита, крошечный обеденный стол, умывальник и советская «Бирюса». В гостиной, которая была одновременно и спальней, почти всё пространство занимал диван, обитый плюшевой тканью. У стены скромно возвышались этажерка и торшер. Оставшийся закуток вмещал подобие ванной комнаты.

– Вроде всё показала. Обживайтесь, отдыхайте. Завтра приду к девяти. Я проведу вам экскурсию по нашим достопримечательностям.

Когда Ирина Анатольевна ушла, Света принялась с любопытством осматривать новые владения. Очень быстро она привыкла и к постоянному скрипу половиц и к шуму бойлера и к отсутствию стен. Света даже с некоторой радостью приняла эту смену обстановки. Для нас, искушённых благоустроенностью городских квартир, может показаться странным тот детский восторг, с которым Света восприняла убранство деревянного дома. Скорее всего, дело состояло в том, что ей хотелось испытать совершенно новый опыт, выйти за пределы собственной зоны комфорта.

Света разобрала сумку, переделась, поставила чайник нагреваться и достала телефон, но увидев безнадежную надпись «нет сети», тут же выключила его. Девушка сделала это с огромным облегчением, даже радуясь, что какое-то время будет без интернета. Ночь подарила Свете глубокий и безмятежный сон, позволивший ей с лёгкостью встать с утра, под пение петухов.

Девушка отдернула занавески с окон, выходивших на внутренний двор, и с удивлением обнаружила там маленький, но очень живописный и уютный садок. Набросив халат, Света тотчас выбежала во двор, чтобы полюбоваться на цве-

ты, посаженные вокруг небольшого грушевого дерева, на ветвях которого прятались миниатюрные плоды. Фиалки, лилейник, петунии и медуница разливали вокруг себя приятное благоухание, и Света с жадностью вдыхала его. Чуть поодаль от импровизированной клумбы, девушка заметила разросшийся шиповник и кусты акации. Ещё здесь стояла крохотная скамейка, по-любительски сколоченная и выкрашенная в голубой цвет. Садик окаймлялся невысоким забором, кое-где покрытым мхом.

Ирина Анатольевна пришла ровно к назначенному времени и повела Свету по селу. Находясь на правом обском берегу, оно протянулось где-то на 1,5 км. Кроме величавой Оби, в окрестностях села была и другая вода: озера – Педа, Большая и Малая Кастя, Игнашка и реки – Пурьянга, Курья, Полой. Начиналось село у деревянной пристани. От неё тянулись три улицы: Береговая, Школьная и Учительская. То тут, то там попадались небольшие озерца – неизменные спутники постоянных паводков. Через некоторые даже были перекинута стихийно сколоченные мостики. Причудливости ландшафту добавляли резкие переходы: ровная земля часто сменялась возвышенностью, где в основном и стоят дома сельчан, почти все одноэтажные.

В посёлке были магазин, почтовое отделение, библиотека, школа, медпункт и миниатюрная церковь. В здании бывшего Сельсовета – угрюмого вида кирпичном строении, с покатой крышей расположились избирательный участок и местная администрация.

Под неспешный рассказ Ирины Анатольевны, Света даже не заметила, как они обошли всё село и вышли за его пределы, к святилищу селькупов. Оно спряталось в пойме

реки, среди кочек. Земля вокруг была заболочена, а всю растительность составляли сосны, берёзы и мелкий кустарник. Раньше селькупы хранили здесь деревянных кукол, которых делали при рождении каждого члена семьи. По его смерти кукла сжигалась. Селькупы верили, что в куклах иногда селились духи, которые могли завести человека в непроходимую лесную чащу и оставить его там плутать. Сейчас никаких кукол не наблюдалось, но Света всё равно смутно ощущала присутствие иррациональных сил. Она спросила у своей провожатой:

– А почему селькупы селились именно здесь?

– Эта земля всегда была для них родной. Они тут ещё до нашей эры жили вместе с хантами и кетами. Русские пришли сюда только в веке шестнадцатом и столкнувшись с селькупам, прозвали их Пегой ордой.

– Такое странное прозвище...

– Просто одежда у селькупов была сшита из шкурок разных животных. Вот отсюда и Пегая орда.

– А долго она просуществовала?

– Русские воеводы разгромили селькупов Пегой Орды в конце шестнадцатого века. Пришлось им покинуть свои прежние владения. Одна часть селькупов отправилась на север, ближе к рекам Таз и Турухан, а другая часть решила обосноваться на реках Тым и Кеть в Нарымском Приобье, и на реках Чая и Чулым в Томском Приобье.

– Они, наверное, сильно тосковали по покинутым землям...

– Тосковать было некогда, надо было осваивать новую территорию. Тогда селькупы и разделились на две группы —

южную и северную. Первая стала заниматься охотой и рыболовством, а вторая – оленеводством.

– И это разделение до сих пор сохраняется?

– Да. К сожалению, народ до сих пор не объединился. У северных и южных селькупов даже диалекты разные. Северные ещё пытаются поддерживать традиционную селькупскую культуру, а вот южные почти полностью ассимилировались с русским населением и утратили самобытность.

– Мне кажется, им надо объединиться и стать единым народом. Вместе будет проще сохранить этнос.

– Боюсь, что уже поздно. Большинство селькупских семей полностью утратило традиционную культуру и родной язык. Почти все перешли на русский.

Вечером Свету ждало ещё одно знакомство с культурой селькупов. В доме культуры показывали спектакль с традиционными селькупскими танцами. Света не знала чего ожидать и поэтому просто вся отдалась эмоциям. На сцене показались несколько девушек и молодых парней, одетых в костюмы с замысловатыми узорами и украшениями. Заиграла музыка, и танцоры задвигались. Их особенная пластика поразила Свету. У танцоров двигалось буквально все тело: от пяток до макушки. Своими движениями артисты умело подражали повадкам животных и птиц.

После представления, Света прошла за кулисы. Ей очень хотелось поблагодарить артистов за этот вечер. Они стояли обособленным кружком, очевидно обсуждая выступление. Не зная никого по имени, Света обратилась ко всем:

– Здравствуйте! Вы чудесно танцевали! Было интересно следить за каждым движением.

– Торова ляга! ответила молодая женщина, вышедшая вперёд, навстречу Свете.

Та стояла в недоумении, явно ожидая разъяснения сказанному.

– Не пугайтесь, это всего лишь «здравствуйте» на языке селькупов.

– Ну слава Богу! А то я уж подумала, это какое-то заклинание.

– Нет, что вы! рассмеялась женщина. Этот аналог «здравствуй», селькупы придумали после знакомства с русским населением. «Торова» происходит от русского – «здорово!». Тогда же появился аналог русского «добрый день» – «сома чёлы». Селькупы просто сложили «сома» — хороший и «чёлы» — день.

– Это очень интересно! Получается, вы знаете селькупский язык?

– Я понимаю, что говорят, но сама не сильно разговариваю. Боюсь, что говорю неправильно, с акцентом. В танце мне себя проще выразить.

– А давно вы танцуете?

– Со школы ещё. Мне было четырнадцать, и я очень хотела как-то выделиться среди остальных. Тогда и родилась идея — в танце показывать селькупские легенды. Я нашла единомышленников, родители нас поддерживали, и мы стали выступать как коллектив. Руководителя как такого нет, мы вместе собираемся и решаем какую легенду или сказку поставить.

– А сегодняшний танец на основе, какой легенды?

– О, она очень поэтичная! Вот послушайте: встав однажды утром, Бог умылся небесной росой и стряхнул её с

рук. От этого пошли брызги, которые упав на землю, превратились в реки и озёра. На их берегах поселились селькупы и стали ловить рыбу, добывать зверя, держать скот.

– Действительно, очень поэтичная и красивая легенда.

– У селькупов нет какой-то разработанной мифологии. Все мифы это скорее маленькие сценки, которые рассказывают про жизнь. Через эти сценки селькупы выражали свое уважение и поклонение природе. И даже костюмы традиционные пронизаны этой любовью к природе. Хотите на них поближе посмотреть?

– Да, с удовольствием!

Женщина провела Свету в небольшую комнату, оборудованную под гримёрку. Там, заботливо были развешаны костюмы. На одной из вешалок висело длинное просторное платье, с кожаным поясом.

– Это женский традиционный наряд. Платье называется «юрнас». Оно всегда свободного кроя, длиной до самого пола. Сумочка на поясе специально для мелочей. К платью обязательно идёт наголовник, украшенный камнями, бусинами. Кстати, причёска селькупской женщины тоже всегда несла определённое значение: незамужним девушкам полагалось заплетать волосы в две косы и вешать под них колокольчик; замужние ходили с одной косой.

– А можно посмотреть на мужской костюм?

Женщина подвела Свету к другой вешалке.

– Мужской костюм отличается только в покрое и длине: у мужчин наряд не такой длинный, прикрывает только колени. И орнамент более сдержанный.

– А что означают монеты, нашитые на костюмах?

– Про это есть легенда: однажды спустился Бог на землю и встретил там русского и селькупа. В руках у Бога было два мешка: один с бумажными деньгами, а другой с монетами. Русский попросил мешок с бумажными деньгами, а селькуп взял монеты и принёс жене, которой так они понравились, что она расшила ими всю одежду в доме.

– Такое лаконичное и простое объяснение! А какие вы ещё селькупские легенды знаете?

– Знаю очень много. Вы приходите как-нибудь к нам на собрание. Мы вам и мифы и песни на селькупском споём.

Воодушевленная Света, радостно приняла приглашение. Возвращаясь вечером домой, девушка мечтательно вглядывалась в ночное небо. Луна будто подмигивала девушке, сияя, будто монетка на селькупском костюме. Света вновь и вновь проигрывала в своей голове увиденный сегодня танец, все движения артистов и спрашивала себя – что было в нём такого особенного, такого, что не отпускало?

Утром за девушкой вновь зашла Ирина Анатольевна.

– Сегодня познакомлю вас с Зинаидой Васильевной. Это та самая бабушка 90-летняя, из чистокровных селькупов.

– А мы не сильно её потревожим? Как-то неудобно беспокоить пожилую женщину.

– Что вы! Зинаида Васильевна наоборот будет нам рада. Наш приход её развлечёт.

Действительно, старая женщина обрадовалась гостям.

– Ой, девочки, вы, наверное, голодные, а у меня угостить нечем даже.

Посетительницы постарались успокоить Зинаиду Васильевну и сказали, что совсем не голодны, но она всё же поставила перед ними блюдо с рыбой, варёным картофелем, тарелочки с вареньем и мёдом, сливочное масло, хлеб.

– Сейчас ещё чай заварю, сказала старушка и поспешила на кухню.

Света обратила внимание на идеальный порядок в комнате, благодаря которому вокруг чувствовались тепло и уют. Атмосферности придавал и национальный костюм, висевший на стене: длинное коричневое платье с цветными полосками по низу и на рукавах, отороченное мехом на груди. В шкафу стояли рамки с фотографиями. Пока девушка с любопытством разглядывала окружающую обстановку, Зинаида Васильевна успела заварить ароматный чай и разлить его по кружкам, добавив в каждую листьев мяты. Света поразилась этой подвижности и бодрости, которую проявляла Зинаида Васильевна и сказала ей об этом.

– А удивляться тут и нечему. Я никогда почти на месте не сидела: всё время или на покосе или на косилке – гребла траву, стога метала. А как свободное время было, то вязала или вырезала из дерева фигурки и утварь кухонную – лопатки, ложки, подставки разные. Этому я ещё у отца научилась. Он мастером на все руки был, всё умел. Жаль, что умер рано. Когда мне тринадцать исполнилось, он на войну ушёл и не вернулся. Мама одна осталась с шестью ребятишками.

– Боюсь даже представить, как ей было тяжело, сочувственно проговорила Света.

– Да, военные годы были голодные и страшные. Чтобы матери помогать, я школу бросила и ушла на лесозаготовки. Там всю войну и проработала. Помню, как нас с подружкой

отправили в первый раз лес валить. Сначала трудно было. Пока одно дерево пилой подпилишь, пока подрубишь. Потом только валишь и следишь, чтобы никого не задело. Криво подпилишь – заставят снова пилить. Хватало горя.

За чаем Зинаида Васильевна ещё много рассказывала про свою жизнь и показывала старые семейные фотографии.

– Вот мама моя, сказала старушка, указывая на почти выцветшее фото. Это она меня селькупскому выучила. Мама наш язык очень хорошо знала и пела на нём много. Помню её песню любимую.

Зинаида Васильевна запела. Её тихий, немного дребезжащий от старости голос, выводил мелодию необычную, но по-своему гармоничную.

Пришло время прощаться, и Света поблагодарила хозяйку за сердечный приём. Старушка только улыбалась, но вдруг спохватилась и сказала:

– Ой, что ж это я, бестолковая, даже с собой вам ничего не дала. Хоть рыбы возьмите. Рыбу любите? спросила Зинаида Васильевна у Светы.

– Очень.

– Значит вы селькупка! смеясь, проговорила старушка. Рыба у нас всему голова! Её коптят, солят, вялят, жарят, варят, сушат, даже фаршируют. Рыбалка для селькупа любимое занятие. Я с 10 лет сама ловила и на удочку и неводом. Сети даже ставила. А сейчас уж мало кто из местных рыбачит. Всё в магазине можно купить.

Старушка вынесла девушке целый пакет с едой и пригласила ещё заходить, если будет время.

Выйдя на улицу, Ирина Анатольевна спросила Свету:

– Ну как вам Зинаида Васильевна? Интересно хоть было, не скучали?

– Что вы, какая скука! Я столько всего от неё узнала. А сколько у неё энергии! Не у всех молодых столько есть.

– Да, Зинаида Васильевна у нас сокровище. И в отличии от большинства селькупов, она любит рассказывать о своей национальности.

– А более молодые селькупы уже наверное не чувствуют своих корней?

– Да. К сожалению, молодое поколение селькупов даже истории своего народа не знает. Да и не интересуется этим вовсе. Нет у молодых селькупов потребности заниматься родной культурой.

– Вы думаете, что со старшим поколением уйдёт и сама культура?

– Это неизбежно, вздохнув, ответила Ирина Анатольевна. Раньше, селькупы знали всё, что имеет отношение к природе. А теперь эти знания — в прошлом. Еще лет 15 пройдёт и язык и культура селькупов полностью исчезнут.

Вечером Света вышла на прогулку. Девушке захотелось побродить в лунном свете, который даже самые обычные предметы может окутать флёром очарования и таинственности. Высоко на небе виднелась Луна, не хуже фонарей, освещавшая пространство. Света вышла и с удовольствием вдохнула воздух — свежий, чистый, напоённый ароматами трав. Поначалу у девушки болела голова от избытка такого девственного кислорода. Но теперь организм привык и жадно поглощал чистый воздух каждой клеточкой.

Света пошла по направлению к местной электростанции, где ещё днём заметила озерцо, формой напоминавшее

звезду. По пути девушка проходила мимо деревенских домов. Каждый чем-то выделялся: цветом наличников, высотой забора, кладкой черепицы, палисадником. У кого-то дом выглядел получше, у кого-то похуже, но откровенных халуп и развалюх не было. Все хозяева старались поддерживать жильё в опрятном виде.

Наконец Света подошла к озеру. Берег был песчаный с примесью гальки. Высокий камыш оккупировал все подступы к воде, которая со смирением покорилась этому вторжению. Света заметила расставленные сети и вспомнила, что Ирина Анатольевна назвала рыбалку любимым занятием селькупов. На противоположной стороне озера виднелся яркий огонек, и девушка пошла в его направлении. Песок хрустел под кроссовками, и Свете казалось, что этот звук, сливаясь со стрекотом сверчков и лёгким плеском волн, рождает музыку. Пытаясь уловить её ритм, Света очутилась около небольшого деревянного пирса. Он выглядел изношено. Рядом горел небольшой костёр, вокруг которого разместилась компания из четырёх подростков. Они о чем-то бойко разговаривали и даже не заметили приближения Светы. Только когда она подошла вплотную, они замолчали, застигнутые врасплох её внезапным приходом. Света первой нарушила молчание:

– Всем привет! Я гуляла и увидела огонёк. Можно мне тоже погреться? Я не сильно вам помешаю?

Первое мгновение подростки внимательно смотрели на Свету, а потом быстро переглянулись. Казалось, они оценивали степень опасности вторжения нежданной гостьи в их мирок. Но, не заметив ничего угрожающего, подростки решили Свете присоединиться.

Бойкого вида девчушка, с ярко-рыжими кудряшками и живыми глазами орехового оттенка, спросила:

– А это вы ведь недавно приехали к нам по путёвке?

Света кивнула. Было видно, что ей приятно находиться вблизи этих ребят и чувствовать их молодую энергию.

– А почему вы захотели приехать в Иванкино? Вы ведь из большого города, а у нас маленькое село, спросил высокий парень в футболке с изображением Виктора Цоя. У него была длинная чёлка, прикрывавшая почти всё лицо и нескладная фигура с длинными руками и ногами.

– Попробую объяснить. Просто жизнь в городе такая... В общем, она выматывает. А здесь природа, спокойствие

– Но вам наверняка здесь скоро станет скучно.

– Не думаю. Я так устала на работе, что побыть в тишине и вдали от цивилизации – лучший подарок.

– А кем вы работаете? спросила вторая девочка с тёмными, почти черными волосами, собранными в пучок и оттенявшими белизну ещё по-детски пухлого лица. На нём особенно выделялись немного раскосые глаза. Из-за мешковатой одежды нельзя было разглядеть фигуру.

– Программистом.

– Наверное, это очень интересная работа, воодушевленным тоном проговорил второй парень. Он был небольшого роста, крепкий и коренастый, с коротко-стриженными каштановыми волосами и добродушным лицом, украшенным здоровым румянцем и ямочкой на подбородке.

– Но иногда и от неё хочется отдохнуть, со вздохом проговорила Света. Когда всё время находишься один на

один с компьютером, то теряешь связь с реальным миром, отрываешься от корней.

Наступило молчание. Подростки обдумывали всё слышанное от гостыи и видимо пытались оценить её, сопоставить со своим собственным представлением о городской жительнице. Им до сих пор казалось странным это желание провести отпуск в таком захолустье как их Иванкино.

– Давайте познакомимся, предложила девушка. Меня Света зовут.

– Я Катя, приветливо сказала рыжая девочка. Было видно, что она самая бойкая и активная из всей компании.

– Борис, меланхолически проговорил парень с длинной чёлкой.

– Меня зовут Вера, улыбаясь, проговорила темноволосая девочка.

– А я Женя, закончил знакомство парень с добродушным лицом.

Света была рада этой встрече. Перед ней предстало юное поколение сельчан, ответственных за будущее родной земли. Девушке стало любопытно узнать, каким они видят его и чего ждут от него. Поэтому она спросила, обращаясь ко всем:

– Вы как школу закончите, собираетесь остаться в Иванкино или хотите уехать?

Ребят не застал этот вопрос врасплох. По выражениям их лиц было ясно, что ответ на него они уже обдумывали. Первой заговорила Катя:

– Я точно решила уезжать. Хочу попробовать поступить в театральное училище.

– Я тоже уеду, буду подавать документы в педагогический университет, поделилась Вера.

– Пока остаюсь, а там посмотрим, нерешительно проговорил Боря.

– И я решил остаться. Не хочу бросать родителей. Да и охоту с рыбалкой я сильно люблю, а здесь для этого идеальное место, сказал Женя.

– Ты прямо сам ходишь на охоту? удивленно спросила Света, в представлении которой, охотником мог быть только мужчина за сорок, с армейским прошлым.

– С друзьями обычно ходим. Весной и осенью уток стреляем, ещё рябчиков иногда. Правда, патроны сейчас подорожали и так часто уже не поохотишься. Поэтому я на рыбалку теперь хожу чаще. Рыбачу обычно с неводом. Вот смотрите, сколько недавно поймал, сказал Женя и достал телефон.

На экране смартфона Света увидела Женю, с трудом, держащего в руках два мешка внушительных размеров. Третий лежал на земле, и из него выглядывала пойманная рыба.

– Да, богатый улов! Целых три мешка!

– Это ещё мало, бывает больше.

– А что это за необычная лодка позади тебя? спросила Света, продолжая изучать фотографию.

– Облас называется. Её селькупы придумали, чтобы по воде быстрее передвигаться. Корпус делают из целого ствола дерева, а потом смолят. Я с трех лет уже катался на обласах – папа научил. Он у меня селькупских корней. У него даже удостоверение селькупа есть.

– Ого, не знала, что такое выдают. А зачем оно?

– А по удостоверению всякие льготы полагаются. Их много, кстати. Например, можно на охоту и рыбалку без всяких лицензий и разрешений ходить.

– А у меня мама с этим удостоверением смогла раньше на пенсию выйти, заметила Вера. У меня тоже в роду есть селькупы.

– Да, мы Веру оберегать должны, ведь она у нас малочисленный народ России, смеясь, проговорила Катя. Её смех подхватили остальные ребята.

– Ну, хватит уже надо мной угорать, – чуть обиженно вырвалось у Веры. – Конечно, я выгляжу как селькупка – темненькая и глаза узкие, но я русская. Я даже селькупского языка не знаю.

– А твои родители знают селькупский? – спросила Света.

– Совсем немного, буквально несколько фраз. Моя бабушка хорошо язык знала. Она мне в детстве сказки читала на селькупском языке.

– А ты бы не хотела выучить язык?

– А зачем? Максимум я бы поучила некоторые слова, но досконально изучать... Селькупов мало и разговаривать на этом языке почти не с кем. Меня звали в кружок по изучению селькупского, но я не пошла. Селькупский мне в жизни не пригодится. Мне английский нужнее.

– Ты права, конечно, – со вздохом сказала Света. – Но всё-таки грустно, что язык умирает и никто его не хочет изучать.

– Неправда! – вдруг прокричал Боря, до этого лишь молча наблюдавший за разговором. – Язык учат, много народу ходит на кружок. Я хоть и не селькуп, но тоже пошёл.

Просто ради интереса. Английский мне не нравится – слишком много времён непонятных. А селькупский даже чем-то с русским схож, слова есть почти одинаковые. Мне вообще кажется, что селькупом можно быть не по крови, а по духу. Если человек знает язык, обычаи, верования, кухню, и они часть его жизни, то этот человек селькуп.

– Знаешь, это очень мудрая мысль, заметила Света.

Разговор продолжался допоздна и ребята, ещё совсем недавно настороженно относившиеся к горожанке, прониклись к ней симпатией и как бы приняли в свою компанию.

Оставшиеся дни пролетели как один миг. Света ни секунды не скучала. Каждый день дарил новый опыт и впечатления, которые так переполняли девушку, что она решила завести небольшой дневник, чтобы описывать все оттенки своего отпускного настроения и сведения о селькупских традициях и культуре.

Понедельник.

Сегодня – день водных духов. Это традиционный селькупский праздник, дань уважения воде. Селькупы верят, что в каждом водоеме живет покровитель водной стихии – дух Вит Хон.

В честь праздника, я попробовала управлять обласом. С учётом моей боязни воды и посредственного умения плавать, я совершила настоящий подвиг! Чувствую себя героиней. Оказалось, что обласом очень трудно научиться управлять, его нужно постоянно контролировать и стараться держать равновесие. Учил меня Женья. Он невероятно ловко справлялся с обласом. Одно удовольствие было смотреть как Женья орудовал веслом, ощущая течение реки, его скорость и глубину. Я же была до ужаса неловкой и чуть не испугалась

пару раз. В конце подошёл папа Жени – Фёдор Тимофеевич и рассказал, что для селькупов, облас это не просто средство передвижения по воде, а незаменимый товарищ для рыбалки, у которого есть душа. У настоящего селькупа обычно имеется сразу несколько обласов: один большой, на котором можно сплавляться по реке, а остальные – компактные, более маневренные, подходящие для ловли рыбы. Фёдор Тимофеевич с трёх лет научился управлять обласом и в таком же возрасте обучил этому Женю. Потом мы все вместе провели специальный обряд для привлечения богатого улова. Надо было обернуть светлой тканью монетки и закинуть их как можно дальше в воду. Пока мы с Фёдором Тимофеевичем занимались этой частью обряда, Женя отвечал за вторую – три раза поворачивал облас по солнцу. Надеюсь, обряд поможет и на воде всё будет благополучно, без несчастных случаев. Потом немного порыбачили. Думала заскучаю, но в итоге меня захватило. Фёдор Тимофеевич рассекретил очень много рыбацких хитростей. Все не запомнила, только про зимнюю рыбалку. Чтобы долбить лёд, селькупы мастерят специальное приспособление: строгают палки, связывают верёвкой их между собой и ставят в воду. Рыба заходит в получившуюся ямку, а обратно выйти не может. Ещё есть хитрость – рыбачить у ключей. Рыба настолько сильно уплотненную набивается туда, где из земли бьет ключ, что её можно руками ловить.

Вторник.

Познакомилась с удивительной женщиной – Зоей Васильевной. Она чистокровная селькупка, знает все местные леса вдоль и поперёк, одна ходит на охоту, рыбачит. На пенсии, но выглядит молодо – фигура подтянутая, ни морщин-

ки на лице нет. Оно необычное – селькупская кровь только намёком проявилась в вырезе глаз и широких скулах. Зоя Васильевна вызвалась быть моим проводником в лесу. Сначала мы дошли с ней до местного кладбища. Вроде место грустное, но энергетика там светлая. Наверное это из-за разноцветных лент, которыми обмотаны все растущие там деревья. Они «охраняют» кладбище и помогают селькупам подерживать с природой хорошие отношения. От кладбища легче всего пройти до входа в лесную чащу. Там мы и провели почти весь день. Зоя Васильевна успела мне много рассказать про отношение селькупов с лесом, про их «лесные» обычаи. Оказывается, заходя в лес, надо с ним обязательно поздороваться и дать угощение лесным жителям – печенье или конфеты. Перед тем, как собрать ягоду, селькупы трижды повторяют: «Братья и сестрички, лесовики и лесовички, помогите мне набрать». Шишки ищут там, где живут белки и бурундуки, которых тоже надо угостить.

В лесу оказалось много речушек, ручьев и озерцов. Селькупы считают, что это всё живое и воду можно «читать» как книгу. Если вода чистая, без ряби — всё спокойно, если мутная и рябит – где-то непорядок. Ветер в лесу отвечает за музыку. Я прислушалась и на самом деле, будто попала в оркестр. Только вместо инструментов – шелест листвы и гомон птиц.

Зоя Васильевна сказала, что обычно летом, большую часть леса заливают местные озёра. Но в этом году, из-за сухой весны, этого не случилось. Зимой в лесу почти невозможно передвигаться – всё заметает снегом. Много водится животных – медведи, соболи, лисы, лоси, норки, кабаны. На них в основном и охотятся. У каждого охотника есть специ-

альный «божок» для привлечения удачи на охоте. Обычно его вырезают из дерева и одевают как человека – в штаны и рубашку. Ещё охотники верят, что если в Пасху, как только начинает светать, выстрелить из ружья — охота будет удачная. Из разговора с Зоей Васильевной, стало понятно, что с христианской верой у селькупов соседствуют языческие обряды и суеверия.

Из леса мы вышли к небольшому мысу, который раньше был у местных культовым местом. Сюда приносили шелковые и ситцевые ткани, пушнину, серебряные и медные монеты, чтобы задобрить лесного духа, от которого зависело, насколько удачной будет охота. Если дух помогал, и добычи было много, селькупы собирали её лучшую часть в кучу и сжигали. Таким обрядом, который назывался – всесожжение, благодарили лесного духа.

Среда.

Побывала в местном храме и пообщалась с его протоиереем – отцом Владимиром. Он показался мне очень светлым и добрым, встретил меня как родную, говорил приветливо и ласково. Улыбка у него такая солнечная, что волей-неволей сам улыбаешься вместе с ним. Разговаривали про религию в основном. Отец Владимир считает, что суеверия и языческие обряды селькупов смешались с христианскими традициями неразрывно. Языческие верования как были у селькупов в крови, так и остались в ней. Идя на охоту или просто за ягодой в лес, они не молятся, а просят помощи у матери тайги. Днём могут сходить в храм, на службу, а вечером пойти в лес, чтобы ленточку завязать на дереве. Так лесные приметы сочетаются с православием. Отец Владимир за это селькупов не осуждает и не пытается их менять. Он при-

нял это как данность и ничего не имеет против возрождения национальной культуры. Но я думаю, что искусственно связывать ее с языческой религией совершенно ни к чему. Культуру возрождать надо, но без примесей языческих традиций и верований, которые уже больше похожи на фольклор.

Отец Владимир провёл меня по всему храму. Его недавно построили, он из кирпича. Икон пока мало, алтарь небогато украшен. Из-за этого в церкви ощущается какая-то стерильность, как в больничной палате. Такая скромность убранства объясняется недостатком финансирования. Как объяснил отец Владимир, храм выживает лишь благодаря пожертвованиям прихожан. Мы поднялись на звонницу. Оттуда открывается потрясающий вид. У меня аж дух захватило. Да, природа этого края суровая: непроходимые болота и топи, каменистые овраги, хмурое небо, тёмная масса рек и речушек. Но когда смотришь на весь пейзаж с высоты, то ощущаешь силу и монументальность.

Четверг.

Съездила в Нарым. Это тоже село, но не такое маленькое как Иванкино. Одно время здесь в ссылке находился Сталин. Для меня это был неожиданный факт и я пошла в местный музей, чтобы узнать больше. В 1912 году, Иосиф Виссарионович пробыл в Нарыме всего 38 дней, хотя срок его ссылки составлял три года. Дело в том, что Сталину удалось бежать. Его поселили в доме местного крестьянина. Жизнью ссыльного Иосифа Джугашвили никто особо не интересовался. Фамилия Сталина тогда ещё не звучала. Почти неизвестно с кем он общался, что читал и что писал. Достоверно лишь то, что в Нарыме Сталин познакомился с Яковом Свердловым, которого раньше лично не знал.

Про побег тоже не всё ясно. Сбежать из Нарыма, выстроенного среди болот, можно было только летом, на пароходе, который останавливался здесь раз в неделю. Те, кто договаривались с командой корабля, имели высокие шансы бежать. Про побег Сталина есть три версии. Первая: хозяин дома, где содержался ссыльный, отвёз его на обласке прямо к пристани, к прибытию парохода, идущего рейсом из Тюмени. Вторая: хозяин перевез ссыльного на другой берег Оби, а потом доставил до ближайшего села – Колпашево, где находился дом ссыльных дворян Дилевских, которые под прикрытием «Красного Креста» организовывали побег. В этом же деле активно участвовал Свердлов, много сделавший для налаживания нелегальной работы. Третья: крестьянин сразу поплыл со Сталиным от Нарыма в Колпашево. Никаких воспоминаний о побеге будущий лидер СССР не оставил.

Сталин был лишь одним из сотен тысяч ссыльных. В Нарым свозили политически неблагонадёжных, революционеров и других нежелательных граждан. В советское время поменялся лишь состав ссыльных. Теперь сюда насильно переселяли раскулаченных крестьян, саботажников и прочих неугодных властям. Даже существовала поговорка: «Бог создал Крым, а черт – Нарым».

Про всё это мне рассказал работник музея – Леонид Фомич. После экскурсии мы с ним разговорились. Оказалось, что он чистокровный селькуп и уже больше 18 лет работает в музее. Леонид Фомич историей интересовался всегда, особенно историей своего народа и его языка, который хорошо знает. От Леонида Фомича я узнала, что селькупский входит в уральскую языковую семью и в тридцатые го-

ды была целая кампания его поддержки и развития. Филологов отправляли на Север, в места проживания селькупов. Но после войны энтузиазм пропал. В это время, для детей селькупов построили специальные интернаты. Там не только учились, но и жили все дни, кроме выходных. В интернате не преподавали селькупский язык или историю народа, и все занятия велись на русском языке. Детям было слишком мало выходных, проведенных рядом с родителями, еще говорившими на селькупском языке, чтобы заговорить на нем. Язык стал угасать.

Еще Леонид Фомич раскрыл мне секрет, как понять по внешности кто селькуп, а кто – нет. Всё просто – у селькупов есть третье веко или «эпикантус». По нему и надо определять. Я попросила Леонида Фомича дать экспертное заключение моей внешности, и он сказал, что у меня явно есть что-то селькупское в чертах и что я однозначно из Сибири.

Я раньше про это не думала, но ведь и правда есть во мне что-то «сибирское»: широкие скулы, чуть глаза раскосые, маленький нос. Просто папа у меня казах, а мама русская с белорусскими корнями. Видимо, такая смесь кровей и дала мне внешность девушки из альбома с фотографиями селькупов.

Пятница.

Провели мне кулинарный мастер-класс. Ура! Теперь я могу приготовить что-то более сложное, чем макароны. После такого начинаешь больше верить в себя. С рецептами селькупской кухни меня знакомила Лариса Денисовна. Она наполовину селькупка и одна из главных сторонниц сохранения традиционной культуры. Женщина немолодая, но очень активная и творческая. Она пишет стихи на селькуп-

ском и ведёт кружок, где рассказывает местным детям об обычаях и поверьях селькупов. Лариса Денисовна много успела сообщить про их традиционную кухню, которая до сих пор осталась с ними в повседневной жизни, в отличие от языка. Многие блюда перекочевали на столы к соседям-русским. Название одного из таких блюд мне особенно запомнилось – «чушь». Это селькупское слово, которое обозначает способ приготовления щуки. Селькупы обухом топора разбивали её, а затем макали в соль. Сейчас готовят более «цивилизованно»: нарежут, почистят и приправят солью с перцем. Почти всю основу рациона селькупов составляют дичь и рыба.

Для приготовления последней есть масса способов: коптить, солить, вялить, жарить, варить, сушить, квасить. Основные рецепты передаются молодым поколениям и все уже с детства знают, как сварить уху или пожарить рыбу. Молодые чаще экспериментируют и изменяют старые рецепты, добавляют новые продукты, приправы и специи. Взрослые селькупы уже редко ходят на рыбалку и охоту, а их детям это неинтересно. Многие переходят на магазинные продукты. В детстве Ларисы Денисовны, все уже с десятилетнего возраста сами ставили сети, ловили на удочку или неводом. В каждой семье заготавливали сухую солёную рыбу, которая спасала, если случался голодный год. Витамины получали из ягод – черники, брусники, голубики, калины, малины, которыми изобиловали местные леса. Но варенье мало делали – сахар был в дефиците. Часто пекли пироги с налимом и обязательно делали рыбные котлеты. Мясорубок еще не было, поэтому рыбу очень мелко рубили. Для жарки использовали рыбий жир, так как растительное масло было дорогое.

Лариса Денисовна показала мне, как готовить «чиненку». Это у селькупов считается праздничным блюдом и его довольно сложно готовить. Рыбу надо очистить от чешуи, отрезать голову и осторожно вынуть всё филе, чтобы не лопнула желчь. Вынутую массу нужно перекрутить, а шкурку вывернуть наизнанку, чтобы остались брюшные плавники, для придания формы. К перекрученному филе добавляют лук, чеснок, соль, перец, яйцо, сырой рис. Эта смесь добавляется в шкурку, которая будет запекаться в духовке.

Ещё мы с Ларисой Денисовной приготовили порсу. Это тоже традиционное селькупское блюдо – уха из разных видов рыбы. Лариса Денисовна взяла окуней, щук и карасей. Каждая рыба играет свою роль в супе: щука даёт навар; карась добавляется в бульон, а окуни придают законченность вкусу.

Потом мы сели за стол, вместе с семьёй Ларисы Денисовны и пообедали приготовленным. Мне всё очень понравилось, и я решила потом обязательно самой попробовать приготовить нечто подобное.

В день перед отъездом Светы, Ирина Анатольевна решила показать ей местную школу. Она оказалась невзрачного вида, трехэтажная, с решетками на окнах.

– Тридцать лет здесь проработала, но свой первый урок помню, как будто это было вчера.

– Расскажите, – попросила Света.

– Я очень волновалась перед первым уроком. Долго выбирала что надеть. Хотелось произвести впечатление на учеников. Проснулась я в тот день ни свет, ни заря, и уже за час до начала занятий была в школе. Ждать детей я пошла в учительскую. Там мне выдали журнал, объяснили, как его

заполнять и долго восхищались моим решением уехать из города и работать на селе.

– Наверное, вы сильно отличались от остальных учителей, ведь у них не было опыта жизни в большом городе.

– По правде сказать, коллектив педагогов оказался далеким от стереотипа деревенской простоты. Ни по виду, ни по духу, местные учителя не отличались от городских. Я быстро волилась в коллектив.

– А с детьми вы тоже сразу ладили?

– Да, – и тут мне повезло. Хотя меня и предупреждали, что в классе всегда есть хулиганистые ребята, которые будут заниматься ерундой на уроках, но никаких особо проблемных учеников не попало, и мне было легко заставить их заниматься. Весь первый день я посвятила знакомству с ребятами. Мы нашли с ними общий язык, и еще я сделала для себя открытие: на селе дети добрее и серьезнее. У них просто гораздо больше забот и обязанностей, чем у ребят из города: дров наколоть, воды из колодца начерпать, печь затопить.

Ирина Анатольевна провела Свету по школе, показала учительскую, небольшой спортзал, больше походивший на подсобку, библиотеку, где пахло пылью и свой кабинет, где проходили уроки русского и литературы. Внутри всё было очень кинематографично: портреты писателей на стенах, доска на колесиках, скрипучие парты.

– А сколько всего учителей работает в школе?

– Пятеро.

– Так мало!

– Мы сами понимаем, что штат расширять надо, но желающих пока нет. А сейчас ещё одна проблема: срочно

нужен педагог по информатике. С ног сбились, не можем найти.

– Разве в школе есть компьютеры? – удивилась Света.

– Да, мы давно их просили у администрации края, но получили только месяц назад.

Вечером Света уложила свои вещи в дорожную сумку и начала мысленно прощаться со ставшим ей уже таким близким Иванкино. Она вышла на задний двор. Лунный свет озарял грушевое дерево и прочую растительность. Вокруг было тихо, только где-то вдалеке слышался шум ветра. К Свете пришло умиротворение и ей стало так хорошо, что она на несколько минут забылась и находилась в состоянии полной гармонии со всем окружающим. Но потом, в очередной раз девушка почувствовала щемящую тоску от осознания неминуемости отъезда. Присев на скамейку, Света долго ещё смотрела на ночное небо. Казалось, она ни о чем не думает, но мозг её лихорадочно работал. Света принимала важное решение.

Утром в дверь Ирины Анатольевны постучались. Она удивилась, недоумевая, кто мог так рано прийти. Немного встревоженная, женщина открыла дверь и на пороге увидела Свету.

– Ой, Светочка, здравствуйте! Вас вот никак не ожидала увидеть. Ваш автобус уже вроде как должен был отойти. Или опаздывает?

– Не опаздывает. Я просто решила остаться в Иванкино. Вы ведь возьмёте меня учительницей информатики?

Свете пришлось несколько раз повторить сказанное, пока Ирина Анатольевна сообразила, в чем дело. Через десять минут, они уже пили чай на кухне. Ирина Анатольевна,

всё ещё находившаяся под впечатлением от Светиноного решения, делилась своими опасениями:

– Света, а вдруг вам надоест наша глушь? Да, первое время всё новое да необычное, ну а как привыкнете, то пожалеете, что остались. Винить меня станете, что не отговорила.

– Не переживайте, Ирина Анатольевна. Я решение приняла, и я за него отвечаю. А в Иванкино мне точно не надоест. Я ведь селькупка в душе!

Полина Константиновна Смородина

ТУНДАС

– Катя, а давай попробуем представить, какой она была? – предложила я, запрокинув голову к солнцу. Моя коллега внимательно посмотрела на меня и тихо хмыкнула. Но идею поддержала, тем более, что Витя, проходя мимо, галантно приснял соломенную шляпу:

– Пардон, мадмуазель. Вы о скелете?

Катя кивнула и застыла в раздумьях.

– Ну, какой она могла быть?..

– Давайте представим, что красивой... – улыбнулась я.

Витя опустил на корточки рядом с нами, наблюдая, как мы работаем совочками и кисточками. Нам уже попались налобный венчик, бронзовые кольца, витиеватый браслет и два горшочка. Тщательно зафиксированные на плане, они покоились среди других индивидуальных находок.

– Начало положено. Слушаем дальше специалиста по костюму...

– Юль, тебе заняться нечем?

– Конечно, нечем, – совочек звякнул обо что-то твёрдое. Я вздохнула, каждое движение в такую жару давалось тяжело. А теперь надо встать, распрямив спину, взять зип-пакет, позвать Игоря для фотки. Но Витька поддержал, подначил:

– Кать, ну давай.

Катя приосанилась, тряхнув объемным бюстом так, что даже Витькина шляпа покачнулась, и кокетливо произнесла:

– 9 – 13 век... Гм. Ну, допустим, банально – длинная холщовая рубаха-панар с поясом, передник, набедренник. Коса в накоснике – хотя, возможно, это только по праздникам, широкая лента вокруг головы. На ногах – лапти или кожаные типа чешки.

– А как ее зовут? – пристала я, внутренне улыбаясь, что нашла созвучную Кате ноту.

– Ща! – Витя взобрался на гору земли и песка, выброшенную с раскопа. Поднял руку с телефоном, – так, древнемордовские имена... Еша, Графа, Салоня...

– Дай-ка, – я вырвала у него телефон и быстренько прошла по списку, – Есть! – и даже подпрыгнула от радости. – Ребят, пусть ее зовут Тундас. Тундас значит весна!

– Тундас, ну почему я никогда не могу тебя найти? – жалобно спросила младшая сестра. Она боялась ходить на священную поляну одна. Вдоль тропы росло много кряжистых, поскрипывающих от старости деревьев, пробираясь между которыми даже в светлый день шарахаешься от каждого звука. Что уж говорить о сумеречном вечере, когда стволы напоминают тулова располневших людей, а их ветви – протянутые к тебе руки. Но не этот страх главенствовал над душой Кары. Главная тревога, тукавшая в сердце: не накажет ли ее за смелость богиня леса Вирь-ава?

Наконец ее взгляду открылась поляна с мягкой низкой травой, вся в брызгах солнечного света и редких мелких цветах. Дубы окружили ее хороводом, и их тяжелые округлые листья отражали закатное солнце. Старшая сестра стояла у

самого старого дуба перед дуплом, в котором могла легко поместиться целиком. Прижав ладони друг к другу, она сосредоточенно молчала. Наконец, обернувшись к сестре, улыбнулась мягко, ласково.

– А зачем ты меня ищешь, Кара?

– Тебя зовут родители. Даже отец уже вернулся. Пора ужинать, – пояснила сестра.

– Ты знаешь, сестрёнка, у меня сегодня весь день какое-то странное предчувствие. Я думала, смогу с ним справиться здесь.

– Что-то случилось?

– Нет! Но мне кажется, скоро со мной... со всеми нами... случится что-то важное.

– Тундас, разве что-то может измениться в нашей жизни? Солнце снова встанет с той стороны, – Кара указала на восток, – а потом опустится вниз на противоположной. За теплом придёт холод. Сейчас мы дети, а потом у нас будут свои дети. Так предначертано.

– Я не об этом, Кара.

– Может быть, ты хочешь с кем-то объединиться и уйти из нашего дома? Или ты боишься, что боги сердиты на тебя и твой суженый обернется медведем? – Кара проворной рыбкой прижала ладонь к губам, испугавшись, что произнесла вслух самое страшное предположение.

– Нет, сестрёнка, я об этом совсем не думаю, – засмеялась девушка.

– Но что может быть важнее?– обиженно протянула сестра.

– Я пока не знаю.

Она оглянулась внезапно, словно почувствовав спиной что-то большее, чем дуновение ветра. Поляну и их самих со всех сторон медленно окружал туман.

– Пойдем домой, сестрёнка, – поспешно предложила Тундас, и добавила тише, самой себе, – рано или поздно, мы всё равно всё узнаем.

С утра женщины как всегда набирали воду у родника. Тундас любовалась тем, как серебрится вода в лучах солнца, но мать и ее сестры не дали вволю предаться размышлениям.

– Надо скорей напоить торговцев свежей водицей! – напутствовала старшая женщина.

Когда они вернулись в село, торговцы уже решили свои дела и собирались в путь. Накормленные отдохнувшие лошади также были подготовлены к дальней дороге.

Тундас украдкой наблюдала за гостями. Старшие женщины поили их водой, складывали для них лепешки из пресного теста в дорогу.

Среди нескольких мужчин Тундас приметился молодой высокий парень в хощовой рубахе, русоволосый, с голубыми глазами. Он тоже не раз смотрел в ее сторону и однажды их взгляды встретились. В тот момент ей вдруг почудилось, что внутри нее зажегся огонек.

Вечером мать вновь нашла Тундас на берегу реки. Присев рядом, она взяла дочь за руку:

– Не знаю, нужно ли передавать... Боюсь, что боги накажут меня за это и все грозы мира обрушатся на наш дом, – сомневаясь, сказала она, – но среди торговцев был юноша по имени Белослав. Он подарил тебе это...

Удивленная и обрадованная Тундас увидела на ладони матери маленький серебряный крестик.

– Тундас, давай сходим к покиattia на край селения. Он нам скажет, встретишь ли ты еще когда-нибудь Белослава.

– Отец не одобрит, что мы беспокоим мудреца по пустякам, – засомневалась старшая сестра.

– Разве любовь – это пустяк?

Дождавшись сумерек, девушки прошли обходной тропой к большому, старому дому, на крыше которого блеснул влажным глазом голубь, тут же вспорхнув и исчезнув в темноте. Не дожидаясь стука, из-за двери раздался скрипучий голос:

– Жду вас.

Мудрец сидел на лежанке, рядом, монотонно жужжа, кружила пчела.

– Покиattia, прости, что потревожили тебя, но нам хотелось бы знать, что нас ждет впереди и что нам делать дальше.

Старик медленно поднял голову и с сочувствием посмотрел на сестёр:

– Голубушки, за вас всё сделает жизнь. Нет смысла убегать от судьбы. Она все равно проворней.

– Дедушка, а как мне поступить с подарком Белослава?
– выступила вперёд Тундас, смущенно опустив глаза.

Мудрец склонил голову, словно прислушиваясь к монотонному жужжанию пчелы.

– Скажу одно – он продлит твою жизнь, но не так как ты это полагаешь.

Когда они вышли из дома мудреца, совсем стемнело. Ночные птицы кричали в лесу, и небо склонилось над деревней низко-низко.

– Тундас, я слышала, как отец говорил, что кто-то из охотников видел узкоглазых и смуглолицых в наших краях.

– Что ты говоришь, Кара? Здесь их быть не должно! – Тундас даже зажмурилась на секунду. Крушение спокойной жизни – вот что означали слова ее сестры, и она еще надеялась, что Кара ошиблась, – почему же ты не сказала мне об этом раньше?

– Не хотела тебя расстраивать, – грустно прошептала Кара, – ты знаешь, пропала наша кошка. Говорят, животные чувствуют приближение опасности.

– И смерти, – задумчиво произнесла Тундас.

В селении шло сражение. Люди с темными лицами, на конях, вооруженные острыми мечами и луками, убивали всех, кто оказывал сопротивление и просто попадался на пути.

Они были умелыми и жестокими воинами. Сельчане отважно пытались дать отпор, но силы оказались не равны.

Местные рассчитывали на запас из нескольких дней и возможное подкрепление – к союзникам был послан гонец два солнца назад. Но видимо, поздно, либо он погиб в пути от меча чужаков.

Женищины – те, что не успели спрятаться в лесу, вставали рядом с мужьями. Тундас вместе с матерью наблюдала за битвой из-за густой листвы деревьев. Чуть поодаль плакала их соседка, обняв детей. Другая искала в лесу сподручное оружие:

– Если и умереть, так вместе с врагом.

Неожиданно Тундас спросила растерявшуюся, опечаленную мать:

– Мама, где Кара?

В смятении покидая деревню, подгоняемая приближающейся опасностью, семья не успела собраться вместе. Тундас вспомнила, как накануне вечером суровый немногословный отец вдруг подошел к каждой дочери по очереди. Поцеловал Тундас и других детей в макушку. Рядом с младшей дочерью, своей любимицей, задержался. Погладил Кару по голове:

– Скоро день, когда боги подарили тебя нам. Если все устроится, как должно, куплю тебе еще один браслет, красивей предыдущего.

Кара улыбнулась и радостно прижалась к отцу.

– Кара должна быть у родника, я отправляла ее за водой... – растерянно произнесла мать.

– Надо ее предупредить!

К роднику вело два пути, и один из них выходил из леса сразу к деревне, а другой, более пологий и спокойный, шел в обход, через их временное укрытие. Оставалось надеяться, что Кара выбрала не прямой путь, а затаилась где-то среди беженцев в лесу.

Около родника никого не оказалось. Посреди леса за густой зеленью было тихо и не слышно страшных звуков битвы. Тундас с сильно бьющимся сердцем побежала по тропе, ведущей к деревне. Когда она выглянула из-за деревьев, почти все было кончено – множество окровавленных тел среди горящих домов, разграбленных завоевателями. Повсюду полыхало пламя, знакомые и любимые с детства строения трещали и рушились, отплёвываясь тысячами кровавых искр. Со всех сторон раздавались стоны раненых. Завоеватели с весёлым гиканьем их добивали, соревнуясь между собой в меткости и жестокости. Раздухаренные недавней битвой, они отнимали друг у друга самую ценную добычу, дрались и смеялись.

К своему ужасу около родного дома Тундас увидела поверженного отца и плачущую над ним младшую дочь. Пустой кушину валялся на тропе прямо перед ней...

Огонёк в груди Тундас обжёг болью первой серьезной потери. Она хотела тихонько позвать сестру. Если ее заме-

тят, страшно представить что сотворят. Не успев произнести даже ее имя, Тундас с ужасом заметила, что один из воинов отделился от общей стаи, и вскочив на коня оббегает разрушенную деревню. Его лицо казалось безумным, он все еще был разъярен и опьянен кровавой схваткой.

Почти сразу он заметил Кару и двинулся к ней. Крик застыл на губах Тундас. Схватив кувшин, она бросилась к врагу и, оказавшись на достаточно близком расстоянии, со всей силы кинула кувшином в воина. Он упал с лошади, схватившись за голову. Но воин был не один, и тут же к нему пришла подмога. Две умело пущенные стрелы попали в цель.

Тундас теперь могла смотреть только вверх, в небо. Оно было огромным, безграничным, бездонным и безоблачным... Огонёк не просто жёг изнутри, казалось, горела она сама и всё вокруг. Усилием воли Тундас подняла руку к груди – подарок Белослава, серебряный крестик, тоже согрелся от ее внутреннего огня. Это было последнее движение, которое она сделала в своей недолгой земной жизни...

Торговцы, возвращавшиеся домой той же дорогой, не узнавали селений, которые проезжали не так давно. Везде уже побывали «узкоглазые» кочевники. В том селе, встречу с которым он ждал особенно, Белослав всё понял по лицу женщины (ей он оставил крестик для Тундас). Женщина молча провела его на кладбище. Он присел рядом с небольшим холмиком, на который она указала, низко опустил голову. Затем дотронулся до могилы и тут же отдернул руку. На миг ему показалось,

что из-под земли вырвался огненный всполох и обжег его ладонь.

– Ну, вы, девчонки, завернули. Только романы писать, – смеялся присоединившийся к нашей компании Игорь, но мне почему-то вдруг стало не до смеха – слишком уж живой образ получился у Тундас.

Видно, что-то подобное почувствовал и Витя:

– А представь, что она призрак и наблюдает за нами? Вон из-за тех кустов, – он показал пальцем на пышный куст акации.

Катя замахнулась на него совочком, осыпав песком с головы до ног.

– Сплюнь. Я и так всю вчерашнюю ночь просыпалась от страха, – призналась она, поежившись. Я согласна кивнула. Ночью бушевал ветер, и казалось, что окрестные сосны переломятся пополам как фонарные столбы – и придавят нашу с Катей палатку.

– Ладно, отдыхать хорошо, но пора и за работу, – Игорь с Витей нехотя направились на свою точку, а я взялась за кисточку, всё ещё ощущая какую-то неясную тревогу внутри.

Несколько движений и я не могла поверить глазам. Передо мной, на земляном возвышении как на пьедестале лежал скромный серебряный крестик.

– Ребят... – еле слышно позвала я. Внезапно поднявшийся ветер, словно прошелестел над ухом: «Поклон от Тундас-с-с»... Я зажмурилась, а когда открыла глаза – всё

было как прежде – знойный день, загорелые усталые археологи вокруг, баклажка с водой на краю раскопа, палаточный лагерь на другой стороне реки. И очередная индивидуальная находка прямо передо мной...

Литературно-художественное издание

БОЛЬШАЯ ВОЛНА

Сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро» 2022
Номинация «Основной конкурс»

Составитель: Елена Дмитриевна Бондаренко
Обложка: Наталия Александровна Печерских
Ответственный за выпуск: Ольга Ивановна Калинина

Государственное бюджетное учреждение
культуры Свердловской области «Свердловская
областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
Тел.: +7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

Подписано в печать ____ . ____ . ____ г.
Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура ____.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. ____ . Заказ ____ . Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО Универсальная
Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.
Тел.: 8 (800) 300-16-00; сайт: www.alfaprint24.ru